

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БАКАЛАВРИАТ

«Принцип непрерывности участия при реорганизации юридических лиц»

Дипломная работа

Дзызы Александра Александровича

Научный руководитель

к.ю.н., доцент

Маковская Александра Александровна

Дата защиты: «__» _____ 2024 г.

Оценка: _____

Москва
2024 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	2
Глава 1. Корпоративное участие в свете природы юридического лица	6
§ 1. Юридическое лицо: догматический и исторический аспект	6
§ 2. Корпоративные отношения, участие и правоотношения	26
Глава 2. Реорганизация юридического лица по российскому праву	39
§ 1. Теоретические и нормативные положения о реорганизации	39
§ 2. Представления о реорганизации и природа юридического лица	50
Глава 3. Континуитет участия при реорганизации	54
§ 1. Теория и позитивное права о судьбе участия при реорганизации	54
§ 2. Принцип континуитета участия	67
Заключение	74
Список использованной литературы	75

ВВЕДЕНИЕ

Корпоративное право представляет собой активно развивающуюся сферу отечественного права как в отношении установления правового регулирования, так и в плоскости теоретических исследований правоведов¹.

Среди всего множества институтов корпоративного права особое внимание привлекает реорганизация юридического лица, и, как представляется, делает это вполне заслуженно. Реорганизация является событием уникального характера в существовании юридического лица как субъекта права. Общеизвестны способы создания юридического лица и известно, что оно прекращается ликвидацией, и, конечно же, «конец» и «начало» правового существования известны и другой категории современного *ius personarum* – лицам физическим, рождающимся и умирающим индивидам. Но реорганизация, подробнее об этом будет показано в соответствующем месте ниже, является скорее уникальной опцией «перемены» правового существования лица², несмотря на отношение к реорганизации лишь как к одной из разновидностей создания или прекращения юридического лица, которое существовало еще в дореволюционном праве³, находит продолжение в работах современных исследователей⁴ и даже имеет некоторую поддержку со стороны законодателя в позитивном праве⁵.

Закономерен этому неподдельный исследовательский интерес к данному институту как ко всякому уникальному. Отсюда же необходимость обоснования с позиции известной цивилистической теории данного института как всякого обнаруживаемого экстраординарного феномена. В этой связи не удивляется, что еще остаются неразрешенными полностью проблемы и

¹ Об этом см.: Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2017. Т. 1. С. 34, 80.

² В пользу этого понимания автором приводились рассуждения также в статье: Дзыза А.А. Подходы к правовому регулированию и возможные толкования реорганизации юридического лица: опыт России и Великобритании // Правовой журнал "Президент" (President Law Journal). 2022. № 2. С. 20.

³ Например см.: Цитович П.П. Очерки по теории торгового права. СПб., 1901. С.105;

⁴ Например см.: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М. 2006. С. 397-398.

⁵ Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014. С. 230.

теоретические споры об отдельных вопросах реорганизации юридического лица и его реорганизации как таковой.

Неразрешенным представляется по-прежнему даже вопрос об определении дефиниции реорганизации, и даже самого направления мысли по этому поводу¹. К такого рода «вопросительным знакам» следует относить также, например, проблемы так называемой комбинированной реорганизации, скажем, по поводу правовой природы «промежуточного лица»². Этому же роду принадлежит ныне так называемый «континуитет участия» при реорганизации юридических лиц, не нашедший пока еще должного теоретического осмысления в отечественной цивилистической доктрине в качестве отдельной категории.

Насколько нам известно, в современной российской литературе категория «континуитет участия» впервые была конкретно сформулирована относительно недавно, а именно в диссертации, и основанной на ней монографии, профессора А.А. Кузнецова «Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов» (2021 год, гл. 1 §1), который рассмотрел обширный зарубежный опыт регулирования и осмысления «континуитета» в контексте защиты прав участников и кредиторов. На данный момент иных упоминаний «континуитета участия» среди публикаций в научных журналах, индексируемых в РИНЦ – пока не было. Необходимо также отметить работы члена-корреспондента РАН А.В. Габова, а именно следующие: «Утрата доли участия при преобразовании акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью» (2019 г.) и «Обмен долей при реорганизации общества с ограниченной ответственностью в форме присоединения» (2020 г.), где на основе анализа судебной практики рассматривался вопрос компенсации долей (акций) участникам прекращающих свое существование хозяйственных обществ в результате отдельных форм

¹ Нуждин Т.А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2019. С. 25-30.

² Нуждин, указ. соч. С. 60.

реорганизации, что связано в том числе с вопросом континуитета участия; также данным вопросам посвящен раздел в фундаментальной монографии «Теория и практика реорганизации (правовой аспект)» (2014 года). Более подробное рассмотрение этих работ представлено в соответствующей главе настоящего исследования, но предварительно о них должно сказать нижеследующее.

В вышеупомянутых работах исследование правовой судьбы участников хозяйственных обществ при их реорганизации носит скорее фрагментарный характер (относительно отдельных форм реорганизации), а также утилитарный характер (лишь в контексте защиты прав участников) и во многом характер юрисдикционный (на основе имеющейся российской судебной практики). Для дальнейшего развития данной категории, как представляется, необходимо также ее фундаментальное теоретическое рассмотрение как таковой, то есть того по какой причине (конечно, если такая причина вообще есть) при реорганизации должен сохраняться «общий» первоначальный состав участников обществ(а), и насколько это правило является непреложным (абсолютным). Предполагается, что выяснение этого обстоятельства позволит достичь лучшего понимания реорганизации юридических лиц, основанных на началах членства (корпораций)¹, в отношении каждой из ее форм и во всякой фактической ситуации, благодаря чему возможна будет более осмысленная деятельность по законодательному регулированию и правоприменению.

Таким образом, **целью исследования** является рассмотрение континуитета участия при реорганизации юридического лица в плоскости цивилистической теории и формулирование на основе этого вывода о степени конститутивности данной категории для реорганизации корпораций вообще, то есть о возможном ее содержании и положении как общего основания реорганизации (принципа).

Задачи исследования детерминированы поставленной целью:

¹ см. Шиткина, указ. соч. С. 212.

1. Исследовать правовую природу юридического лица как субъекта права в рамках европейской традиции частного права;
2. Рассмотреть учения о корпоративном участии и внутренних отношениях корпорации в свете правовой природы юридического лица;
3. Описать категорию реорганизации юридического лица в доктринальном и законодательном измерении, а также в контексте выводов по результатам достижения вышеперечисленных задач;
4. Рассмотреть доктринальные положения и содержание позитивного права зарубежных правопорядков и российской правовой системы по вопросу о континуитете участия при реорганизации;
5. Обобщить выводы решений вышепредставленных задач для достижения цели настоящего исследования.

Структура исследования продиктована поставленной целью исследования и вышеперечисленными задачами, состоит из трех глав, каждая из которых разделена на два параграфа, а также настоящего введения и заключения.

В основание работы положен сравнительно-правовой метод исследования, причем как горизонтальный (сравнение сопоставимых юридических категорий в различных правопорядках одного времени), так и вертикальный (сравнение в исторической перспективе развития юридической категории в правопорядке). При формулировании выводов применялся метод формализации. Повсеместно также использовались прочие классические теоретические методы, такие как абстрагирование, анализ и синтез.

ГЛАВА I. Корпоративное участие в свете природы юридического лица

§1. Юридическое лицо: догматический и исторический аспект

Взаимодействия конституируют всю окружающую действительность как в физическом, так и в социальном ее измерении. В свою очередь взаимодействия (как своеобразные связи) для своего действия требуют существования объектов со специфическими свойствами, посредством которых и устанавливаются эти отношения. В социальных науках такие взаимодействия в обществе принято именовать общественными отношениями, объектами которых, а точнее говоря – субъектами которых, выступают люди, сообщества, политические партии, организации, государство и так далее. Вполне общепризнанно также, что право регулирует не всякие общественные отношения, но лишь правоотношения¹, т.е. подмножество множества всех социальных взаимодействий. Выделение части элементов осуществляется по условию обладания определенными признаками, а поскольку как следует из вышеуказанного для существования взаимодействия между объектами необходимо обладание ими характерными свойствами (как бы выступающими теми крючками, за которые закрепляются концы подобной нити связи между объектами, связывая их, устанавливая отношение), то выделение подмножества общественных отношений производится в первом приближении путем отбора свойств субъектов отношений, и тогда натянутые между такими крючками нити и называются правоотношениями. Собственно, таким образом можно определить субъекта права, как модель, обладающую конкретными свойствами социальных субъектов, которые важны для права. Так что правовое регулирование первично ограничивается отобранными свойствами модельного субъектом, а противное означало бы эквивалентность *общества и права*. Точное определение свойств модельного субъекта отложим до окончания параграфа, прежде рассмотрев положения о привычных

¹ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : из истории цивилистической мысли, гражданское правоотношение, критика теории "хозяйственного права". М., 2009. С. 512; Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 12; Белов В.А. Гражданское право в 2 т. М., 2024. Т. 1 С. 139.

субъектах частного права, главным образом – о юридических лицах, в исторической и теоретической перспективе.

Бесспорно, что римское правовое наследие исторически выступало фундаментом как для выработки норм позитивного права, так и для построения догматики в рамках европейской традиции частного права¹, что неизменно даже поныне². Подчиняясь данной (рациональной и последовательной) научной традиции, при исследовании правовой природы юридических лиц и субъектов права вообще, должно проследить теоретическое и законодательное развитие этих категорий от истоков квинитского права.

Рассматриваемую область права обычно именуют *ius personarum*, то есть *правом лиц*, отсюда очевидна ключевая категория для настоящего исследования, а именно – *persona* (*лицо*). Ее появление в юридической мысли осуществилось далеко не сразу, но на ее осознание требовались целые столетия напряжения интеллектуальных сил римского обществ, поскольку требовалось приобрести способность помышлять связи не как взаимодействия конкретных, реальных и однозначных объектов, а как отношения между отстраненными, абстрактными и универсальными субъектами (в подтверждение этого профессор Д.Д. Гримм приводил замечательное рассуждение в своем известном учебном курсе³). Как иллюстрация такому культурному процессу может служить переход от понятий *hoste* до категории *peregrinus* при определении в римском праве положения каких-либо иностранцев (чужеземцев). Понятие *hoste* это атрибут архаического времени бытия римской *civitas* при дихотомии всего окружающего, в том числе всякой соседской общины, на *вражеское* (*hostis*) или *союзное* (*fides*)⁴. Отсюда следует, что *hoste* скрывало за собой скорее множество конкретных соседских общин, т.к. находиться в состоянии враждебном или дружеском возможно лишь только при индивидуальной

¹ Пример подобного приводится в работе: Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб. 1888. С. V.

² Особенно сильно это проявилось в работах неопандектистов, например – профессора Р. Циммермана; а также: Ширвиндт А.М. Пандектистика: портрет на фоне мифа (по поводу выхода сборника статей "Wie pandektistisch war die Pandektistik?") // Вестник гражданского права. М., 2018. С. 295.

³ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 39-44.

⁴ Дождев Д.В. Римское частное право. М., 2021. С. 26-27.

определенности, а со всяким дружеским соседом уже был заключен *fides*. Такое отсутствие абстрактности при определении статуса *иностранца вообще* приводило, кажется, к любопытным конфузиям в нормативном регулировании, когда текстуальные *враги* римской общины словно допускались ей к вполне дружелюбным отношениям внутри общества, словно это были не враги, но просто иностранцы; на такую мысль, например, наводит фрг. 2 таб. II *Leges duodecim tabularum*¹ (далее – *leges*). Постепенно же наблюдается переход уже к отстраненному *peregrinus*, чужеземцу вообще, без обращения внимания к отдельным и конкретным общностям, что позволило выстроить целую абстрактную систему статусов чужеземцев². Параллельно представленной иллюстрации схожее происходило в отношении субъекта права как такового: интеллектуальные силы были направлены на попытку определить категорию абстрактного индивида уже на рубеже первых веков до и после РХ, например, в трудах Цицерона и Сенеки³. Само же слово *persona*, насколько это известно, в тексте *Lex Cincia de donis et muneribu* (204 г. до РХ) встречается впервые в позитивном праве⁴. Уже ко времени жизни Гая категория *persona* окончательное устанавливается в системе римского права (Gai. 1, 8). Теперь же, закономерно, необходимо разрешить вопрос соотношения прообразов нынешних юридических лиц в римском праве и категории *persona* как субъекта права.

Начало нормативного регулирования таких феноменов некоторые ученые, например профессор Д.В. Дождев⁵, усматривают в переданном Гаем фрагменте *leges*, посвященному праву *sodalis* (*содалов – членов коллегии*) заключать между собой соглашения, которые не противоречило бы публичному праву, словно здесь подразумевается возможность основывать свободно любую ассоциацию,

¹ Используемый текст и перевод с латыни: Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor* : текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М., 2020.

² Гримм, указ. соч. С. 70-71; а также профессор Д.В. Дождев пишет: «на место аморфного *hostis*, ситуативно обозначавшего то друга, то воюющего врага «...», приходит терминологическая определенность в различении степени близости прав иностранцев к правам римских граждан» – указ. соч., С. 277.

³ Указание на трактаты Цицерона *De Facto* (сер. I в. до РХ) и Сенеки *De Providentia* (сер. I в. от РХ) приводятся в контексте данного вопроса в статье: Березкина А.В. *Persona*: из римского права в богословие и каноническое право // Христианское чтение. 2019, № 5. С. 107.

⁴ Березкина, указ. соч. С. 109.

⁵ Д.В. Дождев, указ. соч. С. 307.

но скорее данный фрагмент посвящен договору *societas* (товарищества)¹, по поводу которого скажем позднее.

Помимо рассмотренного спорного фрагмента в титуле XXII кн. 47 *Digesta*² приводятся следующие положения: каждый может быть членом лишь одной коллегии (D. 47, XXII, 1), при роспуске коллегии члены должны были поделить между собой оставшиеся средства (D. 47, XXII, 3). Фрагменты любопытные, но более общие положения по рассматриваемому вопросу даны в титуле IV книги 3 *Digesta*, которая посвящена искам от или против *universitatis* (совокупности). В самом начале этого титула приводится фрагмент Гая с перечислением видов таких совокупностей: *societas* (товарищества), *collegium* (коллегии) и *corpus* (союзы), право по учреждению которых ограничивается³ публичной властью (D. 3, IV, 1); при этом ниже *corpus* используется как родовое понятие к двум другим, а перечень видов объявляется открытым («или под другим именем того же рода»). Все эти союзы, продолжает Гай, «приобретают свойство иметь **по образцу государства [rei publicae]** общие вещи, общую казну и представителя, посредством которого, как и в государстве, делается и совершается то, что должно делаться и совершаться сообща» [выделения мои – А.Д.]. Наконец, в окончании фрагмента *corpus* приравнивается к *universitatis*, закономерно названию титула. К совокупностям относятся и *municipes* (муниципии), *civitatis* (общины), *curiae* (курии) согласно фрагментам 2 и 3 титула IV..

Однако, пожалуй, наиболее важными являются следующие положения о совокупностях: в делах судебных они назначают своего представителя, причем который не является по слову Ульпиана «назначенным как бы несколькими лицами», но он действует в интересах *universitatis* вообще, а не отдельных лиц⁴ (D. 3, IV, 2); а также долг совокупности не является долгом отдельных лиц; само же существование совокупности независимо от перемены ее состава,

¹ Ермолович В.И. Договор товарищества в праве Древнего Рима и стран средневековой Европы (сравнительный анализ) // Право и демократия. Минск, 2016. № 27. С. 159.

² Используемый текст и перевод с латыни: Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского : в 8 томах / Отв. ред. проф. Л.Л. Кофанов. М., 2008 – 2005.

³ В том числе конкретными казусами (скажем, похоронные коллегии), см: Дождев, указ. соч. С. 309.

⁴ Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М. 1900. С. 28.

причем «даже если вся она сведется лишь к одному, то право всех сосредоточиться в нем» и *universitatis* продолжит существовать (D. 3, IV, 7).

Исследователи также указывают на право *совокупности* принимать дар, заключать *stipulatio*, принимать наследство или наследственный отказ, обладать рабами в своей власти¹. Имущество *universitatis* в свою очередь не являлось общим имуществом его членов, не принадлежало им в соразмерных частях как собственникам, но являлось «имуществом особого лица»². Наряду с этим требования *universitatis* к своим должникам не являлись требованиями его членов. Профессор Н.С. Суворова также отмечает, что возможно было вчинить иск *совокупности* против своего члена (или наоборот) по общегражданским причинам, например, по поводу раздела наследства³.

Выше упоминался договор *societas* (*товарищества*), который не следует путать с вышеуказанным видом *universitatis*, на что обращалось внимание в литературе⁴. Данные конструкции фундаментально отличаются друг от друга, главным образом, поскольку в рамках договора товарищества не порождалось в сущности никакого «особого лица» в отличие от *universitatis*, но *societas* представляло собой просто «модель согласованных действий ограниченного числа лиц со взаимными ручательством и поддержкой»⁵, что выражалось в следующем: существование *societas* носило срочный характер, имея в качестве верхнего предела существования момент первой смерти одного из компаньонов, или отказ компаньона продолжить общее дело, достижение цели товарищества, наступление иного условия⁶ (D. 17, II, 4); какие-либо долги в результате деятельности *societas* накладывались не на него, а на самих компаньонов; не существовало особого режима имущества, которое

¹ Дождев, указ. соч. С. 308.

² Суворов, указ. соч. С. 26-27.

³ Суворов, указ. соч. С. 28.

⁴ Ермолович, указ. соч. С. 158.

⁵ Ламм Т.В. Договор простого товарищества в римском праве и отечественной цивилистической доктрине // Известия Байкальского государственного университета. Иркутск. №2, 2002. С. 54.

⁶ Ермолович, указ. соч. С. 162.

рассматривалось лишь как сособственность компаньонов *pro rata*¹. Рассмотрим чуть позже динамику соотношения *universitas* и *societas* в европейском праве.

На основании вышеприведенного описания *universitatis* по римскому праву необходимо попытаться ответить на вопрос: является ли *universitatis* лицом, то есть *persona*, и если да, то как это соотносится с индивидом, то есть тем что мы назвали бы сейчас лицом физическим?

Очевидно, что поскольку *universitatis* имеет именно свою собственность, свои долги и свои требования, то она есть атомистическая единица, и именно она вступает в правовые взаимодействия, как и индивид, но в отличие от *societas*, которое обладает характеристикой противоположной; при этом *societas* является на физическом уровне такой же "совокупностью" индивидов как и *universitatis*; отсюда, собственно, следует главное напряжение в этом вопросе от времени римского права, от самого истока европейской правовой традиции. По указанию профессора Н.С. Суворова, например, Флорентин в своих Институциях (II век от РХ) применял к *universitatis* выражения *personae vice fungi*², то есть нечто замещающее лицо, но само не лицо. Такое отношение к совокупности закономерно вышеприведенным замечаниям: да, *universitatis* есть атомарный носитель прав и обязанностей, но если посмотреть поближе на него, то станут явны, как кажется, действительно элементарные частицы, именно которые в первую очередь и порождают правовое взаимодействие, оттого лишь конкретным к ним справедливо относиться как к субъектам права. С другой же стороны некоторые римские юристы признавали за *universitatis* положение лица тем или иным образом, например, Ульпиан, в одном из комментариев на эдикт объявлявший некое *singularis* лицом ("*singularis sit [est] persona*")³, приравнивая к этому различные совокупности (D. 4, II, 9).

Вероятно, первопричина данной контрверзы кроется опять же в недостатке абстрактности: римское право научилось усматривать *лицо* только

¹ Ламм, указ. соч. С. 53.

² Суворов, указ. соч. С. 1. [Перевод с латыни – авторский, А.Д.].

³ Суворов, там же.

за любым индивидом безотносительно к его частным социальным свойствам, но римские юристы не научилось усматривать *лицо* безотносительно к индивиду, однако именно это требуется, кажется, как минимум для системности права. Дальнейшая европейская традиция частного права не в полной мере превзошла в этом отношении свой римский фундамент.

Средневековое европейское право по историческим причинам¹ оказалось органичным продолжателем римского правового наследия в рамках светского² и канонического³ права; легисты и канонисты продолжали рассматривать в том числе категории *persona* и *universitatis*.

Глоссаторы сохранили отношение к *совокупности* как к второстепенности: например, по мнению Пиллиуса (рубеж XII-XIII веков по РХ) под ней следует понимать «несколько лиц [*personarum*] в одном теле [*corpus*] объединенных как бы путем соединения или вложения»⁴, а по мнению его современника – Гуголина, *universitatis* «суть нескольких тел [*corporum*] отдельных собрание [*collectio*], которому одно имя специально назначено»⁵ [выделения мои – А.Д.]; причем Гуголин скорее рассуждает в духе Ульпиана, для которого *universitatis* не совокупность *personarum*, но некое *pluralis*, наряду с *singularis* (хотя при этом глоссатор не указывает на *collectio* как на *лицо* даже косвенно), а Пиллиус тогда скорее воспроизводит позицию Флорентина: для них обоих *совокупность* представляет собой множество *personarum*, замещающее их, но само не *лицо*. В целом же глоссаторы, по справедливому указанию профессора Л.Л. Гервагена, отказывали *universitatis* в субъектности, обращая внимание лишь на их состав как совокупность⁶. Глоссаторы помимо прочего относили *совокупности* к сфере публичного права⁷, воспроизводя мнение римских юристов, которые

¹ см. об этом: Томсинов В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 1998. № 4. С. 3-17.

² Суворов, указ. соч. С. 44.

³ Каноническое право исходило из того, что *ecclesia vivit lege romana* (церковь живет по римско-му закону). см.: Покровский И.А. История римского права. СПб, 1999. С. 188

⁴ Герваген, указ. соч. С. 15. [Перевод с латыни – авторский, А.Д.].

⁵ Там же. [Перевод с латыни – авторский, А.Д.].

⁶ Герваген, там же.

⁷ Герваген, указ. соч. С. 16.

рассматривали данную конструкцию в рамках *ius publica*¹ (учитывая синкретическое единство частного и публичного начала²), что вполне понятно: то, что после будет названо *universitatis* на самом деле существовало еще задолго до появления мысли о поистине правовых категориях, еще в архаическое время зарождения общественного организма и государства и параллельно этому процессу³, так что "*protocollegium*" развивались как плоть от плоти общество, такая же *publica* как и государство (вспомним, D. 3, IV, 1). Данное наблюдение объясняет «общественный» характер целей существования *universitatis*: вышеупомянутое похоронное дело, сбор государственных налогов, или сословно-профессиональное объединение пекарей и иных ремесленников, корабельщиков (читаем там же в D. 3, IV, 1), обязанных «отправлять известное ремесло как повинность в пользу государства»⁴. В свою очередь, судя по всему, цели «предпринимательские» всецело реализовывались конструкцией договора товарищества. Такое положение сохранялось вплоть до XIX столетия, о чем еще будет сказано ниже. Общественный характер присущ средневековым цехам⁵, например, которые напоминали вовсе небольшие государства, могущие даже «самостоятельно вершить суд над своими членами по незначительным спорам»⁶; тогда как развитие в средневековом праве договора товарищества позволяло реализовывать уже предпринимательские цели, таковы, скажем, т.н. «морские товарищества»⁷.

¹ Суворов, указ. соч. С. 2.

² Дождев, указ. соч. С. 11.

³ По поводу необходимых в силу самого развития общества коллективов см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 146.

⁴ Суворов, указ. соч. С. 227-228.

⁵ «Общественный характер» их существования следует как минимум из специальных функций цеха по организации общественной жизни своих членов, являющиеся также инкорпорированными субъектами права (см. Красильникова Т.К. Становление правовых основ организации и деятельности корпораций в Западной Европе в средние века // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012, № 4. С. 167). При этом, в данной статье применительно к цехам применяется также понятие «полные товарищества», что кажется является неправильной попыткой дать толкование историческим институтам через призму современной терминологии корпоративного права, поскольку сам вопрос о возможности признания за товариществами статуса *persona* есть дискуссия лишь XIX века, о чем будет сказано далее в тексте исследования; в реалиях же средневекового права и римского права *товарищества* есть лишь договор *societas*, а не *лицо*. Аналогичная неточность наблюдается как представляется у некоторых авторов, которые усматривают в т.н. «морских товариществах» первые появления юридических лиц (примеры см.: Ломакин, указ. соч. С. 238).

⁶ Красильникова, указ. соч. С. 168.

⁷ О «морских товариществах» именно как о договорах товарищества см. например: Ермолович, указ. соч. С. 166.

Канонисты примерно в середине XIII столетия тоже начали разрабатывать вопрос правового положения *universitatis*, основываясь во многом на работах глоссаторов: *совокупности* они также понимали как *collectio* – т.е. соединение, признанное одним целым¹; но именно канонисты признали за ними качество полноценного *лица*, не устанавливая тождество между *persona* и индивидом², так что ими «корпорация во всех проявлениях ее жизни рассматривалась как единый юридический субъект»³. Может показать, что приведенные позиции канонистов противоречат известному тексту Папы Иннокентия IV (XIII век) о невозможности наложения на *universitatis* наказания в виде отлучения от Церкви, поскольку, по его словам, *совокупность* лишь *воображается* (*fingatur*) лицом, будучи на деле просто юридическим понятием, не являясь *personarum*⁴. В данных словах принято⁵ усматривать начало формирования т.н. фиктивной теории юридического лица, однако такой вывод кажется необоснованным при учете контекста фрагмента⁶, поскольку он связан глобально с вопросом о спасении человеческой души, но не о правовом положении субъекта права: логично предполагать, что Иннокентий использовал слово «*persona*» не в смысле правовой категории, но в смысле индивида как христианина, как человека и его душу, по причине наличия которой и возможно обсуждать само отлучение от Церкви; так разрешается отмеченное выше противоречие.

Объявление *universitatis* фикцией (*persona ficta*) есть все же достижение именно постглоссаторов-комментаторов⁷: они придерживались в своем учении вышеизложенных представлений о *совокупностях*⁸, но для них необходимыми свойствами субъекта правовых взаимодействий являлись душа и тело, которые позволяли иметь волю и правосубъектность, то есть *persona* окончательно была

¹ Герваген, указ. соч. С. 17.

² Суворов, указ. соч. С. 19.

³ Суворов, указ. соч. С. 45.

⁴ Используемый латинский текст по: Koessler M. The Person in Imagination or Persona Ficta of the Corporation // Louisiana Law Review. 1949. Vol. 9. № 4. P. 437-438. [Перевод с латыни – авторский, А.Д.].

⁵ Например: Ломакин, указ. соч. С. 55.

⁶ На это уже обращалось внимание в литературе: Власова А. С., Лошкарева М. Е., Удалова Н. М. Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // Закон. 2018, № 4. С. 126

⁷ Герваген, указ. соч. С. 24.

⁸ Герваген, указ. соч. С. 21.

связана с индивидом (телом с душой)¹, несмотря на намеки по смысловом отделению юридической категории лица и индивида как физического человека в текстах канонистов и даже еще Ульпиана. Из этого следует, что право лишь притворяется (вводит фикцию) будто *universitatis* обладает необходимыми свойствами для порождения правоотношений (условно говоря, душой и телом). Таков правовой материал, с которым юридическая мысль вошла в Новое время и эпоху кодификаций гражданского права в европейских правовых порядках.

Гражданский кодекс французов 1804 года (далее – ФГК)² начинается книгой под заглавием *des personnes* – лица. При этом в I книге нет положений о *universitatis* в какой либо форме; правда, в статье 17 ФГК в качестве причины утраты качества француза упоминается вступление в иностранную *корпорацию* (*corporation*)³, что «требуется благородного происхождения от своих членов»; примечательно, что такая корпорация опять же носит, очевидно, общественный характер цели своего существования как сословный союз. Необходимо признать так что закрепление позитивным правом отказа формам *universitatis* в качестве *лица*, закономерно чему отсутствуют их упоминания в I книге ФГК, причем нет упоминаний и о неких *persona ficta*. Таким образом, в качестве *persona* ФГК признает лишь индивида и гражданина, что в целом согласуется с выводами из работы постглассаторов-комментаторов. Между тем, профессор Н.В. Козлова усматривает юридическое лицо в различных *sociétés*⁴, урегулированных во Французском торговом кодексе 1807 года (далее – ФТК)⁵. Однако, данный подход, по нашему мнению, является неоправданным, поскольку *société* по своей природе есть договор *societas*, положения ФГК о котором выступают общими для правового регулирования ФТК *sociétés commerciales* (ст. 1873 ФГК), то есть т.н. торговых товариществ. Статья 19 ФТК содержит три формы таких торговых товариществ: *полное* (*en nom collectif*),

¹ Там же.

² Используемые переводы с французского языка: перевод И.С. Перетерского (издание – М., 1941) и перевод В.А. Томсинова (издание – Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Новое и Новейшее время / сост. В. А. Томсинов. М., 2012). Использованный французский текст – система legifrance.gouv.fr.

³ Происходящее в европейских языках, очевидно, от римского *corpus* как разновидности *universitatis*.

⁴ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. М., 2003. С. 59.

⁵ Используемые переводы с французского языка: тот же перевод Перетерского. Французский текст – там же.

коммандитное (*en commandite*) и анонимное (*anonyme*). По поводу полных и коммандитных товариществ можно судить более категорично, поскольку они не могут быть признаны лицом, хотя бы потому что европейская традиция права в принципе ставит вопрос об *universitatis* как о *persona* в том числе из-за наличия именно своих долгов, своего имущества, которые относятся к *совокупности*, но не составу *совокупности* из отдельных людей; участники¹ данных товариществ же отвечают солидарно своим имуществом без ограничения (статьи 22, 23 ФТК), так что нет долга товарищества *en nom collectif* или *en commandite*, но есть солидарный долг его участников, тогда как «долг *совокупности* не является долгом отдельных лиц» (D. 3, IV, 7). Заметим, что по общим правилам ФГК именно участники *sociétés* выступали стороной договора и именно они отвечали перед кредиторами в равных долях (статья 1863). В отношении же *anonyme*, которое ассоциируется исследователями с акционерной компанией², необходимо судить менее категорично по вопросу о невозможности признания его в качестве лица уже потому, что участники отвечали лишь в своей доли заинтересованности в товариществе (статья 33 ФТК), то есть долги анонимного товарищества были сконструированы намного ближе к долгу товарищества, а не долгу отдельных индивидов. Данное положение, конечно, сближает *anonyme* по его качествам с конструкций *совокупности* как лица, однако его сущностная связь с договором *sociétés* не позволяет вынести категорическое суждение о нем как о юридическом лице. Во французской юридической доктрине после принятия ФГК и ФТК возникло представление о *sociétés commerciales* как о *personne morale*³ – своего рода *persona ficta*⁴, хотя как было отмечено выше такой вывод противоречит логике европейской традиции частного права, главным образом в отношении *en nom collectif* и *en commandite* (между тем, на законодательном уровне именно это мнение будет закреплено впоследствии); тем более невозможно говорить обо

¹ В данном случае «участники» почти тоже самое, что и «компаньоны», о которых говорили выше при обсуждении римских *societas*, судя по сходству *sociétés commerciales* и общегражданских *societas*.

² Козлова, указ. соч. С. 69.

³ Boileux J.M. Commentaire sur le Code Napoléon. Paris, 1866. P. 247.

⁴ Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts in drei Bänden. Band 1. Düsseldorf, 1862. S. 127.

всех *sociétés* (и торговых, и даже общегражданских) как о лицах, хотя такое мнение также высказывалось во французской доктрине¹. Впоследствии во ФГК были внесены значительные изменения в раздел IX, так что в современной редакции *sociétés* подразделяются на *зарегистрированные (immatriculée)* и *незарегистрированные (ne immatriculée)*, причем в отличие от них *immatriculée sociétés* приобретают с момента регистрации права *personnalité morale* (статьи 1871, 1842 актуальной редакции ФГК²) и к ним относятся *sociétés commerciales* (статья L210-6 нового ФТК 2000 года).

Несколько иное регулирование рассматриваемые вопросы нашли в рамках первой немецкой кодификации – Прусском земском уложении (далее – prALR)³, разработанного в основном в 1794 году, т.е. около времени издания ФГК. Часть первая prALR начинает традиционно излагать правовой материал с раздела о правовом положении *personen* как субъектах права. Параграф 1 данного раздела устанавливал следующее: «человек [*der Mensch*], поскольку он в гражданском общении обладает определенными правам, **называется [*genannt*] лицом [*die Person*]**» [выделения мои – А.Д.]. В приведенном фрагменте и в целом в данном разделе, с одной стороны, под *лицом* понимается человек как и в ФГК, однако в отличие от него в prALR между понятиями *der Mensch* и *die Person* устанавливается не синонимичность (тождественность, эквивалентность), но скорее отношение принадлежности качества *лица* объекту *человек*, что похоже уже на рассмотренную выше цитату Ульпиана – «*singularis sit persona*». Помимо этого в отличие от ФГК в части второй prALR был целый раздел вовне договорного права, посвященный *обществам (die Gesellschaften)*, *корпорациям (die Corporationen)* и *Общинам (die Gemeinen)*. Под *обществом* понималось соединение нескольких людей ради общей цели (Е. II, Т. VI, §1), и именно по своей цели общества делились на те, которые могли действовать с коммерческой целью – *частные общества (Privatgesellschaften)*, и те которые

¹ Boileux J.M., op. cit. P. 246.

² Источник – система legifrance.gouv.fr

³ Текст на немецком приводится по url: <https://opiniojuris.de/quelle/1621>. [Перевод с немецкого – авторский, А.Д.].

могли иметь лишь некоммерческую цель¹ и при условии одобрения их государством имели положение *корпорации* или *общины* (Е. II, Т. VI, §11, 25). Причем позитивное право прямо признавало *die Corporationen* и *die Gemeinen* в качестве *moralische Person* в гражданском обороте (Е. II, Т. VI, §81), тогда как *частным обществам* напрямую отказывала в этом признании (Е. II, Т. VI, §13), рассматривая их скорее как *societas*, поскольку признавались только общие права и обязанности участников общества (Е. II, Т. VI, §12), только собственность именно их общая (Е. II, Т. VI, §17), но не самого общества; примечательно, что данные положения о *Privatgesellschaften* приводятся в уложении наряду с *торговыми обществами (die Handlungsgesellschaften)* (Е. II, Т. VI, §16). *Корпорации* по уложению в свою очередь имели правовой статус традиционный для *universitatis*: для их существования не имеет значение перемена состав (Е. II, Т. VI, §177, 178), они имеют свое общественное имущество², которым отвечает по принятым на себя должным образом обязательствам (Е. II, Т. VI, §91, 94); понятно также, что они имели равные процессуальные права с остальными (Е. II, Т. VI, §82); при этом сохранялись элементы *ius publica*: право на уголовное преследование участников за их преступления в этом качестве (Е. II, Т. VI, §45, 46). Развитие теоретических положений на протяжении XIX века выразилось в параграфах Германского гражданского уложения 1896 года (далее – BGB)³. В книге первой приводится обширное регулирование общих положений о *Juristische Personen* (*юридического лица*) наряду с *Natürliche Personen* (*физические лица*). Причем любопытно, что современная судебная практика ФРГ разделяет способность быть субъектом права (т.е. правосубъектность, *Rechtssubjektivität*) и положение *лица*, например, Федеральный верховный суд Германии в 2000 году постановил, что поскольку товарищества (или точнее – *общества, Gesellschaft*) по итогам внесенных изменений BGB приобретают такие атрибуты как

¹ Выше такую цель мы называли также «предпринимательской» наряду с «общественной» целью.

² Für die von der Corporation gehörig übernommenen Schulden haftet das **gemeinschaftliche** (не только общее, но и общественное) **Vermögen** (сособственность же обозначается как *gemeinschaftliche Eigentum*) derselben.

³ Перевод на русский язык и немецкий текст использовался по приведенному на wikisource.org

независимость от изменения состава участников, разделенность имущества компаньонов и имущества товарищества, то необходимо признавать их *правоспособными (Rechtssubjektivität)* образованиями, в том числе единосущные им полные (OHG) и коммандитные (KG) товарищества; однако несмотря на такое признание они не являются юридическими лицами, продолжая находиться в области права обязательственного (BGH Urteil v. 29.01.2001 - II ZR 331/00¹), так что указания для *лиц* в немецком законодательстве не применяются к ним, что установлено судебной практикой (Bayerischer VGH, Urteil vom 26.09.2013 - 20 BV 13.428²).

На основании вышеизложенного правового материала можно определить правовую природу *universitatis* как юридического лица в рамках европейской традиции частного права. Как уже ни единожды отмечалось в исследованиях³ в целом возможно выделить два магистральных направления в оценки природы юридического лица: т.н. теория фикции и теория реальности. Первая группа включает теорию олицетворения К. Савиньи, персонифицированной цели Б. Виндшейда, бессубъектной цели профессора А. Бринца, пользователей интереса Р. Иеринга, персонифицированного имущества Е.А. Суханова⁴, и некоторые иные. Краеугольным камнем данных теорий выступает признание лишь за индивидом положения *лица* – понятие *persona* и понятие индивид тождественны, тогда как *universitatis* выступает лишь *persona ficta*, или, по выражению Флорентина, *personae vice fungi*. Вторая группа включает, главным образом, органическую теорию О. Гирке, учение о реальности социальных образований Ф. Регельсбергера, позицию Э. Цительмана о самостоятельности и самодостаточности воли *universitatis*, а также достаточно оригинальную теорию Э. Беккера о тождественности субъекта права и кого-либо объекта, с которым связаны права; также некоторое развитие данного магистрального направления дает Н.В. Козлова, рассматривая юридическое лицо естественным следствием

¹ Система openjur.de // URL: openjur.de/u/63508.html

² Система openjur.de // URL: openjur.de/u/649848.html

³ Еременко В.И. Юридические лица в российском праве. Новосибирск., 2004 С. 13; Дзыза, указ. соч. С. 22.

⁴ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 15.

развития социальной жизни¹. В свою очередь краеугольным камнем этой группы теорий является отрицание тождества между понятием *лица* и понятием индивида: категория *persona* лишь присуждается индивидам силой права как их свойство, и таким же образом оно может присуждать обладающим собственной и самодостаточной волей *совокупностям* в той же степени «фиктивно» и «реального», что и индивидам; что кажется выражает уже мысль Ульпиана – *singularis sit persona*.

Таким образом, во всем правовом материале и доктринальных положениях видется продолжение классической контрверзы: *universitatis* есть ли *лицо* и как это соотноситься с индивидом, о чем говорилось выше. В этом напряжении развивалась вся европейская традиция частного права. Однако, представляется удручающим тот факт, что данное противостояние скорее зацементировалось² и не было разрешено путем развития юридического аппарата, требующего по представленной и проиллюстрированной в начале параграфа логике перехода к поистине абстрактной категории *persona* как субъекта правоотношений: *лицо* не может рассматриваться как синоним индивида, «естественного» человека, иначе физическое заменило бы собой правовую реальность, повернув юриспруденцию к архаическим временам и затмив саму траекторию развития частного права по выработке абстрактных категорий (появление которых есть вообще важнейший залог развития научного знания³). В таком же ключе рассуждал, например, профессор Н.Л. Дювернуа, полагавший противоречащим логике развития права с римских времен деление лиц на неких физических и юридических, полагая необходимым рассуждать лишь о *лицах*, поскольку так называемое физическое лицо тем же решением правопорядка приобретает положение субъекта права, что юридическое лицо⁴; даже в учебнике пандектного права профессор Б. Виндшейда среди примечаний в разделе по

¹ Козлова, указ. соч. С. 149.

² Как все существующие в римском праве контрверзы вследствие издания *Digesta* (Дождев, указ. соч. С. 87).

³ Белов В.А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики // под ред. В. А. Белова. М., 2014. С. 167.

⁴ Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву: введение и часть общая (лица). СПб., 1895. С. 261.

поводу субъекта права приводятся размышления, что человек тоже есть *лицо юридическое*, т.к. он обладает правоспособностью лишь потому и насколько его право наделило ею¹. Так что о *лице* необходимо говорить как о субъекте права, то есть модельном объекте правовых взаимодействий, порождаемых свойственной ему способностью иметь и выражать собственную волю, и всякое подпадающее под этот критерий должно рассматриваться правом как *persona* – и человек со своей психикой, и совокупность с выработанным и принятым его членами, и даже гипотетический так называемый сильный искусственный интеллект, обретший самосознание и значит имеющий волю. Вышеприведенные замечания снимают необходимость в теориях фикции, поскольку они были порождены, по слову профессора Н.Л. Дювернуа, нарушением логики развития традиции частного права; теряется и потребность в специальных теориях реальности, пытавшихся достаточно экстравагантным образом иногда обосновать *совокупность* как *лицо*.

Если же следовать логике развития правовой традиции, переходящей от конкретно-предметного мышления об отношениях в праве к абстрактным и оттого универсальным категориям, сделав в связи с этим последовательный шаг абстрагирования от частного и специфического, поэтому не имеющего значения для общего определения субъекта гражданского права, и определив ответы на вопросы *что в общем имеет значение для субъекта* и *что его определяет*, что было сделано выше, возможно дать нижеследующее понимание субъекта права, в том числе так называемого юридического лица.

Под **субъектом права** понимается идеальная модель, которая обладает следующими свойствами, способностями: порождать собственную уникальную самодостаточную волю как личное хотение (желание)² и способность выражать ее вовне. Таково первое качество субъекта права, первоначальное основание для правового регулирования, и конечно же также, бесспорно, что для

¹ Windscheid, op. cit. S. 126.

² Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лиц. Дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Место защиты: МГУ. М., 2009. С. 15-16.

обеспечения специального правового регулирования право может дополнять модель иными значимыми (помимо указанных первичных) для него социальными свойствами, которые между тем все так же должны носить абстрактный характер, например: для осуществления регулирования семейным законодательством в большинстве случаев помимо первичных свойств порождения и выражения воли необходимо наличие специального свойства у взаимодействующих субъектов – родства, чье определение в абстрактной форме лежит в области проблем семейного права.

Тогда должно признавать в качестве субъекта права всякое в окружающей действительности, что обладает вышеуказанными первичными свойствами, т.к. по субъект определяется через эти свойства. В таком случае, возможно говорить о **волепорождающем аппарате**, под которым понимается каким-либо образом обособленный объективно существующий процесс, приводящий к порождению уникальной самодостаточной воли в качестве результата своего действия, что может быть воспринят вовне благодаря его выражению. Очевидно, что в таком случае никакого значения конкретная объективация этого процесса никакого значения для права не имеет, иными словами процесс может быть организмом или механизмом хоть биологическим, хоть социальным или хоть даже техническим, программным, информационным. Таким образом, общественные отношения, которые приводят к порождению уникальной самодостаточной воли посредством социальных взаимодействий в обособленной социальной группе, в том числе должны признаваться волепорождающем аппарате, значит субъектом права; точно также как биологические и психические взаимодействия в теле индивида, поскольку приводят к тому же результату, должны признаваться в том же качестве. Тогда и в отношении так называемой *universitatis (совокупности)*, и в отношении индивида (*singularis*), необходимо признавать качество лица одной и той же природы, по одной и той же причине; такое признание в обоих случаях производится правом, поскольку лишь право властно над своими категориями и самим собой, как на это обращал свое внимание еще профессор Н.Л. Дювернуа.

Иные перечисленные выше теории, как представляется, возможно, имеют недостаточность в степени абстрактного исследования проблемы: фиктивная теория видела за *universitatis* исключительно собрание *singularis*, имеющие определенную имущественную заинтересованность; реальная теория признавала *universitatis* на положении лица, но не представила общего учения о лицах, хотя, например, профессор Н.Л. Дювернуа сделал чрезвычайно ценные замечания о них.

Понятно также, что из факта признания за волепорождающим аппаратом качества отдельного лица следует существование именно своей личной собственности, долгов и требований; причем принадлежность этого именно как *своего личного* является, согласно формальной логике, необходимым условием для признания за чем-либо положения лица, то есть субъекта права. В этой связи, кстати говоря, любопытно, что процесс наделения всего того, за чем усматривается характеристика волепорождающего аппарата, положением лица можно увидеть на всем протяжении XIX века во время трансформации договорных форм *societas* в коммерческие юридические лица в некоторых правовых порядках, хотя ранее они признавались как было установлено исключительно для целей коммерческого (общественного) характера¹; данный процесс осуществлялся в том числе после наделения *societas* как раз некоторой степенью личности собственности, долгов и требований, как выше показано на примере французских *sociétés commerciales*. В том же французском праве они получили в итоге официальное признание как лица, тогда как в немецком праве они имеют промежуточную стадию вроде «еще не лица, уже правоспособные (*Rechtssubjektivität*) образования», как это было показано в том числе на основе современной немецкой судебной практики.

Также важно отметить, что поскольку праву безразлична сама реализация волепорождающего аппарата, правовое регулирование не может и не должно непосредственно определять происходящие процессы волепорождения.

¹ Гражданское право: учебник в 4 томах: 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2019. Т. I. С. 27.

Однако, если праву безразличен конкретный процесс порождения воли, то ведь тогда могут допускаться несправедливые процессы, порождаться несправедливые воли, а в таком случае право просто перестает реализовывать свой смысл быть *ars boni et aequi*? Из этого справедливого замечания видится такой адекватный выход: да, правовое регулирование не определяет содержание, или порядок происходящего процесса или последовательности действий и прочего при функционировании волепорождающего аппарата, однако при этом должно определять общие требования (**принципы**) к процессу, чтобы не признавать волей то, что было порождено обманом, насилием или иной несправедливостью; такое характерно в том числе для юридических лиц, и это важный вывод для рассмотрения ниже вопроса о корпоративном участии и корпоративных отношениях; по данной же причине в свете вышепредставленного следует обсудить вопрос изменения во множестве состава совокупности, иными словами: раз , как было указано выше, именно волепорождающий аппарат признается субъектом права, то изменения в в стоящем за ним процессе волепорождения разве не будет приводить к тому, что будет меняться и само лицо как правовое выражение данного процесса?

Поскольку каждая конкретная воля порождается не в состоянии вакуума, но в сложившемся ряде принятых ранее решений, новая воля определяется тем, что было выражено в качестве воли ранее, всеми последствиями этого решения, что влияют на новую волю; до тех же пор, пока сохраняется такой **континуитет воли**, иными словами, пока воля порождается на основе сформулированных волей конкретного лица и наступивших событий по поводу этого лица, предшествующих новому волепорождению, то есть не осуществляется тогда на основе *tabula rasa* – лицо остается тем же лицом, даже если волепорождающий аппарат изменится полностью или в части; например, если изменится что-то, скажем, в психике или характере индивида (т.е. элемент волепорождающего аппарата индивида), пусть даже сначала незначительно, то никто не будет возражать тут против континуитета воли и тождественности личности этого индивида в праве. Таким образом, изменение в составе

совокупности как волепорождающего аппарата при известных условиях не влечет за собой изменения лица.

Любопытным в этой связи представляется также вопрос о последствиях какого-либо нарушения в волепорождающем процессе помимо изменений в его элементах. Можно представить, например, нарушение **психологической целостности**, которая понимается как качество процесса волепорождения, при котором всякий элемент волепорождающего аппарата относится к порожденной вкладом каждого элемента воли как к действительной общей воли лица. Тогда же, когда происходит нарушение в такой целостности, то наступает своего рода **расщепление личности**, поскольку отсутствие признания каждым элементом волепорождающего аппарата общей воли лица необходимо приводит к формированию внутри того, что прежде призналось правом в качестве одного лица, нескольких отличных волей, а значит и нескольких волепорождающих аппаратов – именно это приводит к расщеплению личности и должно приводить также к расщеплению лица, когда правом обнаружится это изменение. Ярким примером для *singularis* такого могут быть признаны различные диссоциативные расстройства идентичности, приводящие к т.н. «раздвоению личности», а для *universitatis* примером могут служить особо острые корпоративные конфликты, например, т.н. *deadlock*.

Таково представление о юридическом лице и отдельных следствиях из него в рамках Европейской традиции частного права на основе вышеприведенного сравнительно-правового исследования и его теоретического осмысления. Далее будут использовать данные выкладки для решения иных задач исследования и достижения его цели.

В заключении данной параграфа необходимо отметить, что представленное выше теоретическое построение о природе юридического лица в европейской традиции частного права на основе сравнительно-правового исследования в перспективе, возможно, окажется ценным для науки гражданского права.

§2. Корпоративные отношения, участие и правоотношения

В Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 2012 году были внесены дополнения в положения пункта 1 статьи 2 по поводу отношений, регулируемых гражданским законодательством, а точнее следующих двух групп отношений, связанных с 1) участием в корпорациях и 2) управлением ими. Они и являются теми фактическими общественными отношениями, которые можно назвать корпоративными отношениями. При этом важно для цели исследования заметить, что они даются в данной статье кодекса именно в *широком* смысле: согласно принятой для цели совершенствования¹ ГК РФ Концепции развития гражданского законодательства (2009 год, далее – концепция) предполагалось включение в качестве предмета регулирования как корпоративных отношений лишь «связанных с "правом участия" в корпорации» (пункт 1.2 раздел II), что по сравнению с формулировкой законодателя следует назвать *узким* смыслом.

Как справедливо указывал профессор Д.В. Ломакин², избранный широкий подход при законодательном регулировании, включающий в корпоративные и отношения, связанные с управлением, продиктован, во-первых, соображениями практики, например, чтобы нормы корпоративного права распространялись также на лиц, входящих в органы управления (хотя такие отношения более чем удачно вписываются в иные регулируемые гражданским законодательством отношения³), а во-вторых, самим желанием конструировать законодательные положения при вынесении управления за пределы организационного единства корпорации, например, для введения конструкции хозяйственного партнерства, что получило в литературе в целом справедливую отрицательную оценку⁴. На основе этих двух замечаний широкий подход законодателя кажется чрезмерной деформацией правовой категории под желания законодателя.

¹ Согласно Указу Президента Российской Федерации № 1108 (2008 года)

² Шиткина, указ. соч. С. 797-798.

³ Белов, указ. соч. С. 174.

⁴ Например см.: Суханов Е.А. Хозяйственное партнерство или инвестиционная коммандита? (размышления над законопроектами) // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М., 2013. С. 211-212.

Более того, в литературе некоторые авторы формулировали корпоративные отношения еще шире, настолько что теряется сам смысл выделения каких-либо категорий отношений, например, профессор Т.В. Кашанина понимает под ними «разнообразные отношения внутри корпорации как целостного образования, в котором объединены такие разноплановые категории людей, как собственники, управляющие, **наемные работники** «...» собственники заинтересованы во вложении полученной прибыли в производство, **наемные работники – в ее распределении и потреблении**» [выделения мои - А.Д.]¹; но такие отношения регулируются всецело трудовым законодательством (ст. 15 ТК РФ), поэтому включение их в корпоративные отношения лишает саму эту категорию всякой ценности, превращая в примитивную эклектику, когда всякое, что каким-либо образом связано с корпорацией – становится «корпоративным» отношением. По этой причине под корпоративными отношениями следует понимать только лишь отношения, связанные с участием в корпорации (как это предлагала концепция), иными словами: корпоративные отношения есть корпоративное участие. Такой подход находит поддержку в том числе у профессора Д.В. Ломакина².

Таким образом, для достижения поставленной цели и задач исследования необходимо рассмотреть правовую природу корпоративных отношений. Среди обсуждаемых ныне в юридической литературе подходов их определения можно выделить следующие три позиции, а именно что они являются: 1) внутренними корпоративными правоотношения, 2) специфическими юридическими фактами, т.н. «состояниями», 3) видом правоспособности. Рассмотрим данные подходы.

Понятие правоотношения уже давно закрепилось в праве как важнейшая категория юридической мысли³. В начале прошлого параграфа было дано его описание через феномен взаимодействия, но вопрос о природе правоотношения намного глубже. В цивилистической литературе выделяется три основные

¹ Кашанина Т.В. Корпоративное право : учебное пособие для вузов. М, 2024. С. 8.

² Ломакин, указ. соч. С. 82-83.

³ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 9; Иоффе, указ. соч. С. 512.

точки зрения на их правовую природу: преобразовательная, удвоения и формальная.

Приверженцы преобразовательной теории рассматривают правоотношение как измененные в своем качестве фактические общественные отношения, так, например, профессор О.С. Иоффе писал по поводу возникновения семейных правоотношений: происходит «не простое присоединение правового отношения к комплексу родственных отношений, а **превращение** одного из составных элементов отношений родства в правовое отношение»¹ [выделение мое - А.Д.]. Данная теория подвергается критике профессором В.А. Белова, поскольку она по его мнению объективирует право в окружающей действительности, изгоняет юриспруденцию из мира идей, из-за чего теряется сама абстрактность метода².

Точка зрения теории удвоения такова, что правоотношение параллельно регулируемому им общественному отношению: право облакает в юридическую связь фактические отношения между конкретными субъектами регулируемого общественного отношения. Данная теория находит поддержку в современных учебных курсах по гражданскому праву³. По мнению профессора А.В. Белова данная теория заслуживает критической оценки, поскольку согласно ней уже понятия реальной действительности (связь) переход в область идеальную, и отсюда становится, например, неясно какое такое отличное содержание имеет такая юридическая связь в отличие от действий субъектов в рамках реального общественного отношения⁴.

Наконец, формальная теория правоотношения вовсе не рассматривает их в качестве чего-то отличного от общественных отношений, как это делают другие вышеприведенные теории. С точки зрения данной же позиции к ним относятся как к видимому результату приведения фактических общественных отношений в форму, заданную посредством правового регулирования, самими

¹ Иоффе, указ. соч. С. 517.

² Белов В.А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов. М., 2024. С. 139.

³ Например: Суханов, указ. соч. (учебник). С. 86-87.

⁴ Белов, указ. соч. (учебник). С. 140.

субъектам этих реальных отношений, по причине приобретения ими субъективных прав и обязанностей¹. Иными словами, общественное поведение начинает попросту осуществляться определенным образом, но не происходит порождения никаких иллюзорных объектов идеального мира вроде юридических связей.

В начале предшествующего параграфа, как отмечалось выше, категория правоотношение рассматривалось как подмножество множества общественных отношений, что в свою очередь понималось в качестве связи между объектами на основании принадлежащих им свойств. Такое описание согласуется с теми вышеприведенными теориями, согласно которым правоотношение есть все то же общественное отношение. Но среди них формальная теория, приверженцем которой является профессор А.В. Белов, кажется не подходит приведенному описанию: да, в ней признается правоотношение общественным отношением, но на деле никакого отдельного правоотношения не существует; тогда же когда на деле оно должно возникать, если рассматривать его возникновение как связь на основе абстрактного свойства. Между тем преобразовательная теория в толковании профессора О.С. Иоффе кажется согласуется с описанием правоотношения как взаимодействия на основе абстрагирования существенного для права свойства, при котором общественное отношение преобразуется в правоотношение не во всех тех свойствах, что принадлежат их субъекту, но речь идет лишь о «превращении **одного из составных элементов** отношений «...» в правовое отношение»² [выделение мои – А.Д.].

Таковы основные теории о природе правоотношений вообще, оценка их содержания для определения корпоративного участия будет дана в заключении настоящего параграфа. Ныне же необходимо рассмотреть более предметно само существо корпоративных правоотношений.

¹ Белов, указ. соч. (учебник). С. 141.

² Иоффе, там же.

В чем же состоит существо корпоративных правоотношений? Поскольку, как было установлено в начале параграфа, корпоративные отношения должно понимать в узком смысле как отношения участия, то под правоотношениями, закономерно, понимается «опосредование отношения принадлежности субъекта к внутренней структуре корпорации»¹. Эти отношения принято рассматривать как взаимодействие, или если угодно – юридическую связь, между следующими двумя субъектами: участником корпорации и самой корпорацией². Содержание правоотношения, как это вполне общепринято в литературе³, включает также принадлежащие им права и обязанности. Учитывая установленный субъектный состав для рассматриваемых правоотношений, должно признавать, что правам участников тогда корреспондируют обязанности именно корпорации, связанные с необходимостью реализовывать права участников или же претерпевать бремя. Между тем, среди перечисленных в пункте 1 ст. 65.2 ГК РФ прав участников корпорации содержатся такие, которые невозможно рассматривать ни как бремя претерпевание корпорацией, ни как позитивная обязанность по их реализации (например – право требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков). Из этого противоречия лишь только два очевидных выхода: у корпоративных правоотношений либо иной субъектный состав, либо состав прав и обязанностей.

Профессор Д.В. Ломакин, который является сторонником и скорее даже автором теории корпоративных отношений в современном отечественном праве, будучи последовательным в своей позиции, для разрешения упомянутого противоречия применяет конструкцию так называемых «основных» и «производных» правоотношений⁴. Суть данного учения состоит в признании основного (первичного) правоотношения в качестве элемента сложного состава

¹ Ломакин, указ. соч. С. 84.

² Шиткина, указ. соч. С. 803.

³ Например см.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 33.

⁴ Ломакин, указ. соч. С. 87.

производного правоотношения наряду с иными юридическими фактами¹. В контексте корпоративного права основным правоотношением признается само участие в корпорации², то есть корпоративное отношение в узком смысле. Хрестоматийным примером производных правоотношений является отношение по выплате дивидендов, юридический состав которого складывается из основного правоотношения участия в корпорации и дополнительных юридических фактов, например, акта общества о выплате дивидендов по размещенным акциям (ст. 42 ФЗ об АО)³.

Приведенную позицию критикует, однако, профессор В.А. Белов, который не признает существование «сложных правоотношений», поскольку они могут быть лишь элементарными единицами правовой абстракции⁴, хотя кажется это критическое замечание снимается переводом основного правоотношения скорее в категорию *условия* для возникновения производного. Между тем, вопрос к содержанию первичного правоотношения все же остается открытым, хотя его введение было призвано разрешить все подобные вопросы. Если в содержание основного правового отношения включать лишь некое «право участия», то в чем оно именно это право состоит и какая обязанность этому праву корреспондирует со стороны корпорации?⁵ Может быть содержание его состоит в потенциальной возможности для участника вступить в производные правоотношения при наступлении иных юридических фактов, в которых уже появляются конкретные права участников и обязанности корпорации, например по выплате дивидендов? Но в курсе по гражданскому праву читаем, например следующее: «правоспособность – способность субъекта иметь гражданские права и обязанности»⁶. И тогда разве такое (и есть ли иное?) понимание

¹ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 68-69.

² Ломакин, указ. соч. С. 88.

³ Шиткина, указ. соч. С. 804.

⁴ Белов, указ. соч. (очерк). С. 166.

⁵ Профессор Д.В. Ломакин ответа на этот вопрос в явном виде не дает. На проблему неопределенности в том, какие обязанности корреспондируют уже обращалось внимание в литературе: Филиппова С.Ю. Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе. Дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Место защиты: ТГУ. Томск., 2001. С. 47.

⁶ Суханов, указ. соч. С. 98.

содержание корпоративного участия не приводит к иному уже пониманию корпоративных отношений как некой специальной правоспособности.

Сторонниками понимания корпоративных отношений как корпоративной правоспособности являются профессора В.А. Белов и С.Ю. Филиппова. В соответствии с данной концепцией не возникает никакого особого внутреннего правоотношения между участником корпорации и самой корпорацией¹. Тогда, хотя гражданское право и регулирует отношение участия (п. 1 ст. 2 ГК), но форма его правового облечения необязательно должна быть правоотношением², вполне можно представить иные правовые формы для фактических отношений. Аргументом против правильности применения категории правоотношения к корпоративным отношениям, по указанию профессора В.А. Белов, есть наличие *противопоставленности* целей участников в классических правоотношениях: кредитор реализует свой интерес *за счет* должника, который в случае синаллагматического характера правоотношения, в ответ также реализует свой интерес *за счет* кредитора³. Такое замечание о правоотношении согласуется с принятым представлением о его содержании: принадлежностью субъектам прав и взаимных обязанностей⁴; и если принять «право участие» как субъективное право в рамках основного правоотношения в смысле права на потенциальную возможность вступить в производные правоотношения, то вопрос содержание обязанности со стороны корпорации в связи с этим правом остается достаточно туманным: непонятно, что следует признавать в качестве корреспондирования этому праву на стороне корпорации. При этом сама характеристика отношения участия вряд ли позволяет говорить о некой противопоставленности целей корпорации и ее участников. Такая противопоставленности вряд ли может быть вообще применима в отношении отдельных видов корпораций по российскому праву, например, хозяйственных товариществ (п. 1 ст. 65.1 ГК РФ), участники которых (т.н. «полные товарищи») сами «занимаются предпринимательской

¹Филиппова, указ. соч., С. 37; Белов, указ. соч. (очерк). С. 177.

²Белов, указ. соч. (учебник). С. 141.

³Белов, указ. соч. (очерк). С. 170-171.

⁴Толстой, указ. соч. С. 32.

деятельностью от имени товарищества и несут ответственность по его обязательствам принадлежащим им имуществом» (п. 1 ст. 69, п. 1 ст. 82 ГК РФ). Но даже не рассматривая хозяйственные товарищества, относительно статуса которых как юридических лиц могут возникать возражения, на которых указывалось в окончании прошлого параграфа, такая проблема возникает в том числе в отношении хозяйственных обществ, даже акционерного обществ: так, по мнению профессора А.В. Белова, хотя участники наиболее свободной и открытой организационно-правовой формы юридического лица – акционеры, которые зачастую могут не обладать значимым пакетом акций общества, будут скорее неминуемо проводить разделение между благополучием всего общества и своим личным, поскольку психологически будут относиться к обществу лишь в плоскости имущественного интереса, однако тогда вместе с признанием реального противостояния интересов в корпоративных отношениях пропадает вообще необходимость в том, чтобы корпоративные отношения существовали в принципе, поскольку их было бы возможно переложить в привычные имущественные правоотношения, что регулируются гражданским правом¹. Поэтому, корпоративное участие должно рассматривать как отношение, направленное к общей цели, т.к. в них не может быть противопоставления, необходимого для существования правоотношения². При этом профессор В.А. Белов признает, что корпоративные отношения как бы имеют динамический характер, точнее говоря, «нестабильный» характер, поскольку складываются при наличии общей цели и распадаются, когда субъект от нее отпадает в пользу личных целей³. В таком случае, пропадает необходимость и целесообразность оказывать правовое воздействие на сами корпоративные отношения⁴, а следует признать лишь, что «лицо приобретает абстрактную юридическую возможность рассчитывать на возникновение у него в будущем конкретных «...» субъективных прав», то есть участие «является формально-юридической

¹ Белов, указ. соч. (очерк). С. 172-173.

² Филиппова, указ. соч. С. 45; Ломакин, там же.

³ Белов, указ. соч. (очерк). С. 174.

⁴ Там же

предпосылкой к возникновению гражданских правоотношений участников этой деятельности друг с другом и с созданной ими корпорацией»¹.

Концепция участия как правоспособности была подвергнута критическому разбору со стороны профессора Д.В. Ломакина по трем пунктам.

Во-первых, это путь к размыванию единой гражданской правоспособности на целое множество специальных конкретных правоспособностей, из-за чего в этой категории как бы теряется вся познавательная ценность, в том числе при объяснении природы участия². Против этого замечания профессор В.А. Белов возражает приведением примеров, когда уже в нынешнем законодательстве при регулировании отдельных отношений уже признаются такие *местечковые* правоспособности³. Помимо этого даже если признать справедливым саму недопустимость дробления гражданской правоспособности, то кажется, однако, именно в отношении корпоративных отношений разумно сделать исключение, которое не приведет при этом правоведение к мириаде правоспособностей, ведь корпоративные отношения есть в определенной степени уникальные отношения уже по тому, что они конституируют волепорождающий аппарат *совокупности* как лица, который находится в объективной действительности на положении схожем с психическими процессами в человеке, о чем был сделан вывод выше по итогам сравнительно-правового исследования; из этого кажется вполне очевидно следует экстраординарный характер корпоративных отношений для права, в этом случае оценивать с позиции ординарных правил экстраординарное явление представляется неправильным, также неправильным кажется подход по сотворению общего правила на основе экстраординарного, поскольку бы в этом случае получались правила для экстраординарного мира. Таким образом, вполне закономерно природе корпоративных отношений признание их особым случаем правового регулирования, что обосновывает

¹ Белов, указ. соч. (очерк). С. 177-178

² Ломакин, указ. соч. С. 146.

³ Белов, указ. соч. (очерк). С. 184-185.

допустимость нарушение единства правоспособности в отношении них, что это не означает допустимость такого же подхода по поводу иных отношений.

Во-вторых, продолжает профессор Д.В. Ломакин, если участие позволяет лишь иметь возможность приобрести конкретные права, то в чем тогда отличие лица, участвующего в корпорации, и лица, которое не участвует в корпорации, но так же в перспективе может приобрести такие права?¹ Против этого же замечания, кажется, есть справедливое и вполне очевидное возражение: в отношении остальных лиц, что не являются участниками корпорации, следует признавать общую возможность по приобретению возможности приобрести в будущем конкретные права как участника корпорации; иными словами, между общей правоспособностью и конкретными субъективными правами участия существует дополнительный шаг как дополнительная возможность, которая сторонниками корпоративной правоспособности и называется собственно ею².

Наконец, в-третьих, Гражданский кодекс не допускает отказ граждан от их правоспособности полностью или частично (п. 3 ст. 22 ГК РФ), что вступает в противоречие с возможностью совершать сделки по отчуждению принадлежащих лицу акций или долей в уставном капитале общества³. Однако, такой запрет не является полностью непоколебимым и согласно тому же п. 3 ст. 22 ГК РФ такие сделки могут допускаться законом; поэтому, судя по всему, фундаментальной проблемы в корпоративной правоспособности с позиции указанного положения позитивного права все же нет.

Последним пониманием корпоративных отношений (участия), по поводу которого должно сказать несколько слов, является признание их в качестве особого юридического факта – «состояния». В отечественной литературе такие факты получили признание, например, в работах профессора Ю.К. Толстой, который хотя и говорил об их «выделении в особую группу юридических фактов», но несмотря на *особенность* этих фактов «было бы неверно отрицать

¹ Ломакин, указ. соч. С. 147.

² Белов, указ. соч. (очерк). С. 187.

³ Шиткина, указ. соч. С. 792.

за состоянием как таковым значение юридического факта»¹. Против признания фактов-состояний было справедливо указано, что юридические факты сами по себе обуславливают возникновение или прекращение того или иного состояния, под которым, профессор Р.О. Халфина справедливо понимала правоотношения длящегося характера². Таким образом, понимание участия в корпорации как факт-состояния возвращает нас к правоотношениям. В юридической литературе по рассматриваемой теме теория фактов-состояния также не находят в целом какой-либо поддержки³, равно как в учебных курсах по гражданскому праву⁴.

Таковы представления о корпоративном участии в литературе, и предвзятое дальнейшее повествование, необходимо сделать выводы по их поводу на основе результатов сравнительно-правового исследования юридических лиц в прошлом параграфе. Как представляется, в рамках волепорождающего аппарата, как основания *совокупности* в плоскости действительности, реализуется процесс, носящий характер социальный: процесс порождения воли происходит тогда не по причине нейробиологической активности (как в случае лиц физических), но по причине общения между индивидами, обмена и обсуждения представлений, идей, мнений, планов и их позиций по тому или иному вопросу; отметим еще раз, что для права в сущности неважно и безразлично носит ли данный процесс нейробиологический, описанный социальный характер, или какой-либо еще; но важно лишь качество собственной уникальной самодостаточной воли. В данном контексте нужно оценить корпоративные отношения.

Корпоративное участие тогда необходимо понимать в действительном смысле как принадлежность индивида к волепорождающему аппарату как его элемента, некоего «нейрона» процесса порождения воли юридического лица. Из этого видно, что индивид как участник корпорации обладает скорее некоторым статусом, определяющим его принадлежность к

¹ Толстой, указ. соч. С. 14.

² Халфина, указ. соч. С. 288-289.

³ Ломакин, указ. соч. С. 95-96.

⁴ Суханов, указ. соч. (учебник). С. 377.

волепорождающему аппарату. В таком случае, кажется, будет наиболее верно рассматривать категорию специальной правоспособности как потенциальную возможность приобрести, тогда в силу статуса элемента волепорождающего аппарата, субъективные права и обязанности, вступить в конкретные правоотношения.

Категория же корпоративных правоотношений не признается в данном случае и по приведенным выше в параграфе критическим замечаниям, и также поскольку в случае их признания «участие» отражало бы исключительно некий существующий в праве феномен, не имеющий реального положения как элемента волепорождающего аппарата; помимо этого хотя рассматриваемые правоотношения имеют в литературе «внутренними»¹, но на деле происходит вынесение участия за пределы корпорации по причине включения в субъектный состав правоотношения корпорации и участников; причем данный негативный вывод справедлив для любого понимания правоотношения в цивилистической доктрине.

В таком случае, поскольку, как отмечалось выше, праву безразлична конкретная реализация волепорождающего аппарата, то непосредственное правовое регулирование в том числе корпоративных отношений следует, как представляется, ограничивать как раз фактом признания особой корпоративной правоспособности, позволяющей вместе с другими ее носителями в отношении конкретной корпорации в том числе устанавливать посредством иных правовых «инструментов» (конечно, главным образом, обязательств) порядок реализации социального процесса, приводящего к порождению воли. Это замечание требует отдельного подробного рассмотрения, но оно является логическим следствием из выводов сравнительно-правового исследования юридического лица и анализа существующих концепций корпоративного участия. Иными словами, признание «участия» элементом волепорождающего аппарата корпорации, регулируемым правом как экземпляр особой корпоративной

¹ Шиткина, указ. соч. С. 784.

правоспособности, приводит к необходимости наиболее широкой *диспозитивности* корпоративных отношений и возможности ее ограничения лишь путем установления правом требований к качеству порожденной воли, чтобы она была, кратко говоря, справедливой. При этом, разумеется, современное регулирование российским позитивным правом корпоративного участия не признает такой фундаментальной *диспозитивности*, хотя некоторые шаги в отношении отдельных организационно-правовых форм в этом направлении были сделаны Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации, как на это указывает И.С. Чупрунов¹; речь, конечно же, про знаменательное определение по делу «Яна Тормыш» (от 11 июня 2020 года № 306-ЭС19-24912²).

¹ Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. М., 2020. № 8 (78). С 32, 43, 66.

² СПС КонсультантПлюс // URL: clck.ru/3ANgRV

ГЛАВА 2. Реорганизация юридического лица по российскому праву

§1. Теоретические и нормативные положения о реорганизации

Как известно ни среди положений Гражданского кодекса России, ни среди положений специальных федеральных законов, нигде не приводится легального определения понятию «реорганизация». Подобная *законодательная техника* в литературе обычно объясняется сложностью данного института как правовой категории, подвергающейся тщательному «препарированию» исследователями, но так и не находящей ответа на вопрос о своем существовании¹. В принципе нельзя говорить о даже сложившемся направлении самого понимания этой категории: на протяжении десятилетий в различных исследованиях содержание категории разрабатывалось на основе каких-то отдельных фиксируемых проявлений этого феномена, его характеристики или последствий², что позволяет сделать вывод о ценности самого поиска определения реорганизации: дело не в *Streit um Worte*, а в стремлении вообще понять что такое «реорганизация» юридического лица. Во многих современных работах в самом начале читателя знакомят со многими высказанными объяснениями содержания реорганизации, начиная с наиболее давних отечественных авторов³, рассматривавших существо реорганизации как один из способов прекращения или создания юридического лица, о которых уже упоминалось во введении настоящего исследования. Между тем, кажется, ныне подобные точечные определения существа реорганизации не находят уже былой поддержки из-за тенденции последней четверти века по «концентрации» всего накопленного теоретического осмысления этого института⁴.

Объяснение данного изменения в методологии усматривается в осознании неоправданности существенного сужения определения реорганизации до такого состояния, когда теряется «отражение всей специфики такого института»⁵. При

¹ Габов, указ. соч. С. 230.

² Нуждин, указ. соч. С. 25.

³ Например см.: Белялова А.М. Правовое регулирование реорганизации коммерческих юридических лиц в России и за рубежом. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: ИЗиСп. М., 2019. С. 34.

⁴ Нуждин, указ. соч. С. 28.

⁵ Марков П.А. Реорганизация коммерческих организаций // Право и экономика. М. 2011. № 9. С. 14.

этом отдельные исследователи вовсе отрицают возможность построения определения реорганизации, которое бы не приводило к неоправданному сужению его содержания, например, В.П. Емельянцев пишет, что поскольку реорганизация является собирательным понятием, то «поэтому сформулировать унифицированное ее определение, которое бы охватывало все ее признаки и свойства и позволяло разграничить со смежными институтами гражданского права, **невозможно**» [выделение мое - А.Д.], а такие попытки «приведут лишь к описательному способу изложения предлагаемых трактовок» данного института¹. По сути дела примерно из такого содержания мысли исходили те исследователи, что сделали вклад в консолидацию понимания реорганизации в рамках так называемой *соста́вной* теории реорганизации.

Под реорганизацией как составом понимается, во-первых, совокупность некоторых юридических фактов. К таким фактам относятся решения органа юридического лица (*e.g.*, общего собрания участников – п. 2 ст. 65.3 ГК РФ) о проведении реорганизации, заключение договора в определенных случаях (*e.g.*, п. 2 ст. 52 ФЗ об ООО) и прочее, а также административный акт регистратора. Подход к реорганизации как к сложному юридическому составу смог найти поддержку в практике (например – Определение СКЭС Верховного суда РФ от 18.03.2015 по делу № А41-348/2013, и во многих других решениях²). Поддерживает это понимание также член-корреспондент РАН А.В. Габова³, правда предостерегает от того, чтобы при таком понимании из внимания не выпадали разнообразные последствия реорганизации⁴, но кажется включение в этот состав актов регистрирующего органа, как констатации результата самой реорганизации, снимает в достаточной степени подобное опасение. Дополнение к *соста́вной* теории делает Т.А. Нуждин, говорящий о **юриди́ко-факти́ческом** составе реорганизации⁵, то есть включая и фактические действия. Наконец,

¹ Емельянцев В.П. Универсальное правопреемство в гражданском праве. М.: Юриспруденция, 2010. С. 218.

² Белялова, указ. соч. С. 36.

³ Габов, указ. соч. С. 264.

⁴ Шиткина, указ. соч. С. 643.

⁵ Нуждин, указ. соч. С. 30.

понимание реорганизации в качестве процесса (или процедуры¹), дополняет состав характеристикой **последовательности** по поводу совершения действий и наступления юридических фактов. Благодаря этому в составе реорганизации возможно рассматривать юридические факты, произошедшие еще до принятия решения о реорганизации и имеющие поэтому подготовительный характер, например, проведение инвентаризации имущества и обязательств юридического лица². При этом единственным обстоятельством, что удерживает конструкцию института как обособленного правового явления, возвышая его над простым собранием некоторых фактических и юридических элементов, является, как представляется, направленность каждого элемента состава на достижение в итоге конкретного правового результата – реорганизации юридического лица³.

В российском законодательстве выделяются пять т.н. форм реорганизации, согласно п. 1 ст. 57 ГК РФ, а именно: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. В рамках *соста́вной* теории реорганизации важен вывод профессора А.В. Белова по поводу перечисленных форм: каждая такая форма будет являть собой собственный юридико-фактический состав со своим набором элементов и последовательностью их наступления, причем какие-либо изменения в элементе или последовательности по идеи приводит к появлению новых реорганизационных форм⁴. По поводу этого справедлив вопрос: почему тогда некий юридический состав называется реорганизацией, а иные составы не признаются таковыми?⁵ *Lex divina sic dicit*. Иного ответа нет. Таким образом, в рамках *соста́вной* теории необходимо признавать реорганизацию как таковую наряду с ее отдельные формами-составами лишь проявлением волюнтаризма

¹ Таковую характеристику реорганизации см. например: статья 6 законопроекта № 424549-4 «О реорганизации коммерческих организаций» (2007 год) // URL: sozd.duma.gov.ru/bill/424549-4?ysclid=lvlp4gepl685091968

² О таких «подготовительных» действиях см. Шиткина, указ. соч. С. 656-658.

³ Указание на конститутивность *достижения определенного правового результата* приводится в: Марков П.А. Реорганизация коммерческих организаций в российском праве // Право и экономика. М. 2011. № 9. С. 14.

⁴ Белов, указ. соч. (очерк). С. 408 [в соавторстве с П.В. Шевцов].

⁵ Габов, указ. соч. С. 256.

законодателя: «источником создания какой бы то ни было формы реорганизации «...» может быть только закон»¹.

Между тем приведенные положения *составной* теории позволяют ответить на вопрос о природе реорганизации лишь в плоскости ее объективированного содержания, но все же остается неясным что такое реорганизация как таковая в отрыве от конкретного содержания состава, что представляет реорганизация как форма, которой (пускай лишь по воле законодателя) маркируется определенный состав? На это в рамках *составной* теории отвечают с телеологической точки зрения. Выше отмечалось, что объединение юридико-фактических элементов происходит по направленности к некоему конкретному правовому результату. Этот результат представляет собой момент правопреемства, на которое обращается первейшее внимание в юридической литературе как на сущностный признак реорганизации², например, профессор И.С. Шиткина в работе «Создание холдинговой компании на базе имущественного комплекса единой коммерческой организации» (2002 г.) приводит определение реорганизации как «установленной законом специальной процедуры (порядка) перехода прав и обязанностей»³.

Такое правопреемство принято понимать именно как универсальное, что поддерживается и в юридической литературе по данному вопросу⁴, и даже получило закрепление в гражданском законодательстве (п. 1 ст. 129 ГК РФ). По указанию Т.А. Нуждина данный вопрос, однако, по-прежнему представляется местом для дискуссии⁵. Распространение на реорганизацию именно модели *successio per universitatem (a ne in singulas res)*, неминуемо понимаемой через определения наследственного права⁶, а именно как *переход в неизменном виде как единого целого и в один и тот же момент* (п. 1 ст. 1110 ГК РФ), вызывает

¹ Белов, там же (в контексте возможности существования форм комбинированной реорганизации).

² Габов, указ. соч. 166. Нуждин, указ. соч. С. 39.

³ [Ссылка приводится по: Габов, указ. соч. С. 239] Шиткина И.С. Создание холдинговой компании на базе имущественного комплекса единой коммерческой организации // Хозяйство и право. 2002. N 11. С. 61.

⁴ Габов, указ. соч. 245-246.

⁵ Нуждин, указ. соч. С. 148.

⁶ Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики. М., 2000. С. 9.

критику о справедливости этого для всех представленных форм реорганизации, в том числе для выделения, разделения и преобразования¹. Так, А.В. Габов, поддерживая соответствующую судебную практику, указывает, что выделение не может характеризоваться категориями перехода *всех прав и обязанностей* и как *единого целого*, т.к. «передается только часть прав и обязанностей»². Иную точку зрения приводит Д.И. Степанов, указывающий на невозможность признания сингулярности правопреемства при выделении³. Т.А. Нуждин также соглашается с этой точкой зрения, хотя и признает потребность в уточнении законодательной формулировки⁴.

Иным «магистральным» рассмотрением природы реорганизации является *сделочная* теория. Как отмечает А.В. Габов данная позиция по поводу правовой природы реорганизации приводилась участниками споров при обосновании ими своих позиций, например, при требовании признать реорганизацию как сделку недействительной и применить последствия ее недействительности (например, Постановлении № А74-3091/01-К1-Ф02-580/02-С2 ФАС Восточно-Сибирского округа от 17 апреля 2002 года)⁵; однако, как уже отмечалось выше, в судебной практике сложилось признание *соста́вной* теории реорганизации, но в доктрине *сделочная* теория находит некоторую поддержку⁶. Рассмотрение содержания концепции реорганизации-сделки необходимо начать со следующих вопросов, ответы на которые, как представляется, не обнаруживаются в полной мере в литературе по данной теме. Во-первых, о сделочной природе чего именно идет речь? По сути дела это вопрос об определении границ и наполнения того, что скрывается под правовой категорией реорганизаций. Так, в своей диссертации Б.П. Архипов предлагает включать в границы института «реорганизационной сделки» своего рода

¹ Габов, указ. соч. С. 248.

² Габов, указ. соч. С. 250.

³ Степанов Д.И. Формы реорганизации коммерческих организаций: вопросы законодательной реформы // Хозяйство и право. М., 2001. №3. С.72.

⁴ Нуждин, указ. соч. С. 152.

⁵ Габов, указ. соч. С. 262.

⁶ Хотя, по указанию, Т.А. Нуждина сделочная теория «отвергается большинством ученых, вследствие того, что сделка не может охватить весь процесс реорганизации », см.: Нуждин, указ. соч. С. 26.

каскад сделок, точнее – того, что им предлагается рассматриваться в качестве сделок, а именно «решение совета директоров, решение общего собрания и заключение договора на согласованных условиях [хотя последнее свойственно лишь отдельным формам реорганизации конкретных организационно-правовых форм юридического лица – прим. А.Д.]»¹. Такое понимание, кажется, приводит к все тому же юридическому составу, что признает и сам Б.П. Архипов, рассуждая про «**совокупность сделок, формирующих сложный юридический состав сделки реорганизации**»² [выделение мое – А.Д.]. Таким образом, при таком понимании *сделочная* теория дает укороченную *соста́вную*, поскольку просто исключает иные юридические факты или фактические действия из своего видения, скажем, административный акт государственного регистратора. Собственно происходит действительное сужение правовой категории реорганизации, о чем иные авторы как раз предостерегали; остается открытым вопрос насколько такое сужение вообще будет оправдано с точки зрения теории права, ну или по крайней мере полезно с с точки зрения практики регулирования, и где такому ограничению предел?

На данную проблематику можно посмотреть с позиции других вопросов: 1) возможно ли привести иное содержание и толкование *сделочности* природы этого института путем рассмотрение его в качестве обособленной и единой сделки, но не каскада сделок, чтобы сформировать качество теории, отличное от достаточно бессмысленного положения «укороченного состава»; 2) возможно ли обосновать сужение категории реорганизации в целом, путем выведения из нее всего кроме одной единственной сделки; 3) насколько этот подход позволит прояснить вопрос категории реорганизации как качественно особого института? Попробуем ответить на эти вопросы.

Очевидно, что в первую очередь необходимо «найти» саму сделку, которая может сконструировать всю категорию реорганизации вообще. Также

¹ Архипов Б.П. Гражданско-правовой механизм слияний и присоединений акционерных обществ. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Московский государственный университет. М., 2004. С. 77

² Архипов Б.П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. - М., 2002, № 3. - С. 50, 54.

понятно, что должно «искать» эту сделку среди примерного перечня, приведенного выше по диссертации Б.П. Архипова, а именно актов и решений так называемых волеобразующих органов юридического лица; здесь должно сделать уточнение, что, как справедливо отмечает профессор Д.В. Ломакин само деление на волеобразующие и так называемые волеизъявляющие органы носит некоторый условный характер¹, поэтому допустим пока что у рассматриваемых органов характеристику и образования воли, и изъявления воли (просто допустим), для удобства рассуждения. Такое уточнение приобретает смысл по той очевидной причине, что в европейской традиции частного права воле-**изъявление** является либо тождественным сделки понятием по мнению одних исследователей (например, так полагал К. Савиньи), либо по крайней мере является составной частью сделки как действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей².

К волеобразующим органам относятся, главным образом, совет директоров и общее собрание участников³. Возможно ли признание качества сделки (или волеизъявление) в их решениях? По поводу решений общих собраний в современной литературе сохраняется дискуссия⁴, а судебная практика, по замечанию Д.И. Степанова, неохотно движется к признанию за решениями общих собраний качества сделки⁵; хотя в знаменитом определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по делу «Яна Тормыш», о котором упоминалось выше, было установлено, что решения общих собраний являются хотя и «специальным», но все же видом именно сделок, а положения о решениях общих собраний «должны применяться в системной взаимосвязи с общими положениями о сделках в части, не урегулированной правилами о решениях собраний и не противоречащей их существу», то есть по сути дела

¹ Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М, 2018. Т. 2. С. 179-180.

² См.: Вилкин, указ. соч. С. 12.

³ Шиткина, указ. соч. Т. 2. С. 177.

⁴ См. подробнее: Вилкин, указ. соч. С. 185-194.

⁵ Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М. 2021. С. 123

субсидиарно. В отношении решений совета директоров как сделки, насколько известно, обсуждений не ведется в принципе, что кажется объяснимо природой данного органа по российскому праву как существующего для выполнения функций «стратегического управления и акционерного контроля» с целью «обеспечения баланса интересов акционеров и менеджеров»¹, ни о каком-либо воле-**изъявлении** речи тут не идет все же, тогда как это содержание сделки.

В таком случае, единственным из перечисленных кандидатом на искомую сделку для объяснения реорганизации остается решение общих собраний (гипотетически – сделки). Допустим, что весь «каскад сделок» сводится лишь к данному решению общего собрания. Однако, если провести это исключение механически, то в таком случае из рассмотрения теории реорганизации выпадут специфические именно для нее акты, относимые к «каскаду Б.П. Архиповым, решений совета директоров (который, скажем, выражает все же некоторую свою волю по поводу реорганизации, но не вовне, а внутри юридического лица), но, главное, что выпадают реорганизационные договоры.

Для решения данной проблемы можно разумно использовать институт *rechtsgeschäftliche Vorwirkung*, юридического преддействия, которое не признается самостоятельной сделкой, но конструирует сделку наряду с другими преддействиями². Таким образом, получается, что реорганизация как *сделка* представляет одну единственную сделку как выражение воли юридического лица на достижение вышерассмотренного правового результата; такая сделка составляется из юридических преддействий, конституирующих формирование внутри юридического лица содержание выражаемой воли; в таком случае при тех реорганизационных формах, что требуют заключение договора, решение общего собрания будет рассматриваться как преддействие к этой двусторонней сделки наряду с иными преддействиями, а в иных случаях именно решение общего собрания должна рассматриваться как сделка, конституированная всеми предшествующими юридическими преддействиями.

¹ Шиткина, указ. соч. Т. 2. С. 206-207.

² Вилкин, указ. соч. С. 136.

Возможно, в таком прочтении *сделочная* природа окажется полезнее чем при прочтении ее как «сокращенного состава»; однако все также сохраняется смущение по поводу исключения при таком подходе из реорганизации, например, всего того же акта государственного регистратора как определенного законодательством момента завершения самой реорганизации (ст. 16 ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей", п. 4 ст. 57 ГК РФ). Но оправданно ли такое смущение?

Да, реорганизация в рамках сделочной теории сводится как бы в точку: процедура ее тогда сводится к внутрикорпоративным процессам, а завершением всей этой внутренней процедуры оказывается как бы выражение воли лица о самом себе, экземпляр священной для гражданского права автономии воли частного лица. В таком случае, почему этой воли недостаточно, чтобы сказать о завершении всей реорганизации? В этом случае спор переходит *mutatis mutandis* в плоскость давнего противостояния двух моделей отношения к моменту действительного наступления результатов сделки, имеются в виду известные принципы «противопоставления» и «внесения», соответственно: наступает ли правовой эффект от момента выражения воли и заключения сделки, и только этого оказывается достаточным для действительного наступления результатов, а последующая регистрация необходимо лишь только для целей общеизвестности наступления такого эффекта (принцип противопоставления); или же правовой эффект порождается лишь с момента такой государственной регистрации, а до этого момента несмотря на свершившийся факт выражения воли – ничего на деле еще не изменилось (принцип внесения)¹. Тогда, как представляется, проблему *неоправданного сужения реорганизации и исключения из нее важных компонентов* в рамках *сделочной* теории можно разрешить признанием принципа противопоставления, то есть того, что мысль *persona* о самом себе, уже порождает на деле правовой эффект по поводу самого себя, а все

¹ Бевзенко Р.С. Комментарий к статье 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. М., 2019. № 11 (69). С 151.

последующее – лишь вопрос публичного закрепления уже наступившего, нечто более техническое, не правовое. Для юридических лиц, из-за непоколебимости требования по их государственной регистрации, интуитивно может скорее казаться правильным принцип внесения, однако в этом случае такой же вывод должен быть сделан и в отношении физических лиц, а по поводу них подобной безусловной интуиции уже не возникает, хотя разницы между лицам в этом случае теоретически совсем нет. Заметим также, что возникающие при реорганизации темы «появления» *новых* юридических лиц и «прекращения» *старых* как раз будет плодотворнее и правильнее рассматривать, как кажется, в самостоятельных блоках законодательства и теории права, а реорганизацию тогда приводить лишь в качестве примера и возможного случая; этим снимается проблема исключения из поля зрения реорганизации данных тем при принятии *сделочной* теории в вышеприведенном прочтении.

Необходимо также рассмотреть еще одну оригинальную теорию, которая была сформулирована членом-корреспондентом РАН А.В. Габовым. Его мнение состоит в признании реорганизации в качестве «существенного изменения юридической личности», что нашло поддержку в том числе в учебных курсах¹. Под юридической личностью в рамках этой теории понимается совокупность атрибутов юридического лица, которые присущи ему с точки зрения нынешнего положения позитивного права, например, место государственной регистрации, конкретное содержание учредительных документов, принадлежащее имущество и многое иное².

В этом случае **существенное** внесение изменений в один из этих компонентов, даже при изменении места государственной регистрации или просто внесения изменений в учредительные документы, должно признаваться реорганизацией (хотя нынешнее законодательство ограничивается конкретными легальными формами реорганизации)³. В чем же состоит

¹ Шиткина, указ. соч. Т. 1. С. 643.

² Габов, указ. соч. С. 320-321.

³ Габов, указ. соч. С. 348, 354.

существенность как критерий для отнесение того или иного к реорганизации? А.В. Габов полагает, что дело в поставлении такими изменениями «заинтересованных участников гражданского оборота, прежде всего, конечно, кредиторов и участников (иногда и должников), перед фактом потенциального или реального ущемления, умаления их имущественных и неимущественных интересов, которое будет вызвано таким изменением»¹.

С точки зрения этого реорганизации можно дать следующее определение: она является «особым правовым режимом» для цели «обеспечения интересов определенных групп участников гражданского оборота и иных правоотношений (налоговых и т.д.), которые могут быть существенно затронуты изменением указанных элементов юридической личности»². Содержание теории отражает «рациональное экономическое объяснение» [выделение мое – А.Д.]³. Таким образом, такое приведенное прочтение реорганизации, кажется, не обращает внимания на реорганизацию как изменение именно лица, которому в качестве отдельного субъекта права попросту не остается место среди множества лишь экономических интересов различных индивидов. Собственно, А.В. Габов сам и говорит о первостепенности экономического-рационального (или утилитарного) значении реорганизации юридического лица, но отсюда возникает вопрос о том, насколько избранный подход согласуется с сутью цивилистической теорией, но по поводу это будет сказано ниже.

¹ Габов, указ. соч. С. 320.

² Габов, указ. соч. С. 322.

³ Шиткина, там же.

§2. Представления о реорганизации и природа юридического лица

Для дальнейшего исследования необходимо обратить внимание на два, как кажется, антагонистических на концептуальном уровне подхода к пониманию природы реорганизации юридического лица.

Во-первых, многие исследователи при рассмотрении этого института исходят в первую (или в единственную) очередь, грубо говоря, из динамики отношений по принадлежности чего-либо такой корпорации или по поводу обязанности ее по представлению чего-либо другим лицам; в первую очередь, разумеется, речь про имущественные права и обязанности реорганизуемого юридического лица. В этой связи, реорганизация рассматривается как упорядоченный законом (и оттого обезопасенный в плане возможных имущественных потерей иными участниками оборота) инструмент реализации указанной динамики, а ее основание усматривается в анализе того какие экономические интересы этим оформляются; причем интересы словно даже не самого юридического лица, но тех, *кто посредством него осуществляет предпринимательскую деятельность*. Имущественное-центричное (в широком смысле) отношение к юридическому лицу и реорганизации в действительности кажется взаимосвязанным с фиктивной теорией юридического лица, то есть его *epе personae vice fungi*; в частности, данная связка достаточно показательно существует в правовых порядках common law, по поводу чего были сделаны выводы в другом исследовании автора¹. Более просто данный подход можно описать словами А.В. Габова, приводимых выше: «рациональное экономическое объяснение». При таком подходе категория реорганизации словно конструируется на основе фиксируемых экономических целей и потребностей, настолько что именно они начинают определять содержание правовой теории. Более того, именно этот подход, кажется, стал общим местом в литературе при размышлении даже с позиции различных теорий реорганизации, например: Т.А. Нуждин рассматривает реорганизацию как сложный юридико-технический

¹ См. об этом: Дзыза, указ. соч. С. 23-27.

состав, но выводы об отдельных аспектах ее им делаются на основе экономической цели ее проведения, а не на основе юридико-догматических положений (например, такого рода логика прослеживается при разрешении им проблемы т.н. «промежуточного лица» при осуществлении комбинированной реорганизации¹); Б.П. Архипова понимает в свою очередь реорганизацию как сделку, но как минимум косвенно указывает на ее конструирование лишь для «обеспечения экономических потребностей оборота»²; оценка А.В. Габова, как автора теории «существенного изменения личности», уже приводилась выше несколько раз. В этой связи более чем справедливо замечание П.А. Маркова, что в литературе сложилась своего рода традиция рассмотрения реорганизации с точки зрения изменения отношений именно имущественного характера³.

В этом видится некоторая деформация в рассмотрении данного вопроса, поскольку имущественно-центричный подход (или экономический подход) выносит за скобки вопрос об изменениях в самом юридическом лице как отдельном субъекте права, позволяя рассуждать исключительно о том каким образом добиться наилучшим (не обязательно с точки зрения теории) способом обеспечения экономических потребностей, т.к. реорганизация конституируется просто динамикой, в основном, имущественных отношений; тогда как фундаментальный теоретический вопрос изменения субъекта гражданского права просто не ставится или же ставится как вопрос именно о динамике отношений, поскольку юридическое лицо признается фиктивной вывеской, за которой они все это время и скрывались. Однако цивилистика нуждается в рассмотрении, как представляется, того что именно происходит с ее субъектом, лицом; поэтому этот вопрос должен рассмотреть в свете вышепредставленных выводов о природе юридического лица в европейской традиции частного права, и также следствий из этого о корпоративном участии.

¹ Нуждин, указ. соч. С. 76, 95.

² Архив, указ. соч. С. 95.

³ Марков, указ. соч. С. 16.

Собственно, во-вторых, реорганизацию юридического лица можно оценить с точки зрения фундаментальных изменений в субъекте права как таковом. Этот акцент при рассуждении о данных вопросах, как представляется, отвечает даже в большей мере целям цивилистической науки, которая призвана не столько к правовому оформлению объективных экономических процессов гражданского оборота любыми возможными способами, сколько к конструированию строгой, последовательной и логичной системы категорий, сущностей и правил, которые с той или иной степенью деформации использоваться правоприменителями или законодателями иногда для цели достижения локальной справедливости, иногда по причине волюнтаризма по соображениям, в том числе, политическим или экономическим. В контексте этого возвышенного (правда, конечно, требующего более подробного осмысления) отношения к цивилистической теории, с учетом возвращенных в этом же воодушевлении выводов из исследований в предыдущей главе настоящего сочинения, реорганизацию должно понимать нижеследующим образом.

Поскольку в основании юридического лица, как и всякого лица, находится в действительности волепорождающий аппарат, реализующий соответствующий процесс социального характера, то необходимо именно в происходящих в нем изменениях определить последствия реорганизации лица в действительности. Кажется, что неправильно говорить о последствии в виде исчезновении самого волепорождающего аппарата юридического лица, роспуска как обособленного по определению процесса, поскольку такое последствие как своего рода некое *растворение (dissolvo)* скорее относится к т.н. ликвидации юридического лица; но какое тогда в действительности должно происходить изменение при факте не *разобособления* волепорождающего аппарата? Представляется, что его возможно усмотреть в перемене психологической целостности элементов процесса порождения воли, а именно когда каждый элемент волепорождающего аппарата реорганизуемого лица начинают относить свои вклады в волю иного лица. В этом усматривается объективированность

реорганизации лица, которая при этом достигается в праве путем порождения волепорождающим аппаратом реорганизуемого лица (или лиц) данной воли о самом себе (а значит о своем имуществе, правах и обязанностях), которая изъясляется в форме сделки в том прочтении, что был представлен о ней в окончании прошлого параграфа.

Дадим несколько примеров. При реорганизации в форме присоединении тогда путем заключения двусторонней сделки (договора), волепорождающий аппарат присоединяемого лица порождает волю на свое психологической переориентирование на волю лица присоединяющего, внутри кого порождается воля на признание присовокупления вкладов элементов присоединяющегося лица в общую волю присоединяющего лица, которая теперь признается всеми элементами общая воля. При реорганизации в форме выделения изменение же в психологической целостности происходит изменение того рода, что элементы волепорождающего процесса начинают вместе порождать вторую отдельную волю, для которой правом признается новое лицо. В целом же, при выводе о высокой степени диспозитивности процессов в волепорождающем аппарате (реорганизация в приведенном прочтении связана именно с этим), вероятно, следует поддержать расширение на этом основании форм реорганизации, на что также косвенно указывали А.В. Габов и В.А. Белов, чьи позиции приводились в предшествующем параграфе; более полная разработка данного вопроса лежит за пределами цели настоящего исследования.

В заключении данного параграфа необходимо отметить, что представленное выше теоретическое построение о природе реорганизации оказывается весьма тесно связано с вопросом именно судьбы волепорождающего аппарата, а значит и его элементов, которые признаются участниками корпорации; что повышает, кажется, значение вопроса о континуитете участия при реорганизации.

ГЛАВА 3. Континуитет участия при реорганизации

§1. Теория и позитивное право о судьбе участия при реорганизации

Независимо от рассмотрения предметной области исследования на основе какой-либо теории юридического лица, или концепции природы корпоративных отношений, участия в лицах-корпорациях, или понимания самой реорганизации, очевидно, что она неминуемо затрагивает действительность, вносит изменения и модифицирует существующие отношения. Также очевидно при любой точки зрения, что рассуждение о юридическом лице в каком-либо контексте не может не затрагивать его *совокупность* в смысле состава юридического лица. Отсюда базовый вопрос, уже затронутый выше, что происходит с такой *совокупностью* при модификации отношений в результате реорганизации, и насколько она по составу должна оказываться «стабильной» при данном результате. Необходимо обратиться к рассмотрению судьбы участия при реорганизации.

Во введении к исследованию отмечались отдельные работы А.В. Габова, как частично связанные с данным вопросом. Началом для рассуждений в этих работах служит следующее наблюдение: при реорганизации, вследствие как прекращения правового существования одних лиц, так и по причине изменения их имущественной составляющей, возникает опасность несправедливого умаления прав участников реорганизуемых обществ¹. Гражданское право же призвано всегда к сведению всякой несправедливости в отношении субъектов частного права к нулю путем восстановления нарушенного баланса интересов различных субъектов, как на это указывает например С.В. Сарбаш², в том числе посредством присуждения компенсации потерявшему в своем интересе лицу. Собственно, инструмент балансировки при реорганизации А.В. Габов, наряду с

¹ Габов, указ. соч. С. 772.

² Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / под об. ред. А. Г. Карапетова. М., 2020. С. 47.

другими исследователями, например, Т.Д. Аиткуловы, называет «компенсацией за утрату членства»¹.

Причем вариантов компенсации умаления или лишения прав участников реорганизуемых юридических лиц есть целое множество, как в исторических правовых порядках, так и в современном праве, а именно следующие: 1) эквивалент в денежной форме, 2) эквивалент в форме предоставления иных (т.е. помимо оформляющих право участия) ценных бумаг, *e.g.* облигаций; 3) предоставления взамен права участия в созданных или сохранившихся по итогам реорганизации юридических лицах². При первом же прочтении перечисленных вариантов, как кажется, становится понятна суть напряжения в исследуемом вопросе: вариант предоставления *нового* участия взамен старого по итогам процедуры является лишь одним из возможных подходов к справедливой компенсации вследствие модификации отношений; но именно в этом варианте состоит рассматриваемый континуитет участия (каждый участник реорганизуемого общества продолжает свое участие в реорганизованном обществе), при этом остальные возможные подходы к компенсации могут казаться точно такими же справедливыми с той или другой точки зрения. Между тем, важно заметить, что в сущности первый и второй вариант компенсации оба приводят к одинаковому последствию: вместо предоставления нового участия как его продолжения лицам предоставляется лишь эквивалент этого в той или иной имущественной форме. Для удобства в дальнейшем будем называть приведенные варианты словом *дисконтинуитет*, понимая под этим всевозможные ситуации представления не нового участия в реорганизованных юридических лицах, но лишь какого-либо имущественного эквивалента (денег, ценных бумаг и прочего).

Впервые, кажется, по поводу дисконтинуитета при реорганизации весьма точно выразился дореволюционный профессор П.П. Цитович. При обсуждении

¹ См. подробнее: Аиткулов Т.Д. Некоторые аспекты правового регулирования слияния и присоединения акционерных обществ в праве Российской Федерации и ФРГ // Актуальные проблемы гражданского права. М., 2002. № 4. С. 16. Габов, указ. соч. С. 772.

² Аиткулов, указ. соч. С. 16-17.

допустимости при *слиянии (fusion)* путем поглощения¹ одного акционерного товарищества другой компанией выдавать акционерам поглощаемой компании не акции присоединяющей компании (предоставляя как раз новое участие), а ее облигации, П.П. Цитович указал следующее: в таком случае никакого «слияния» нет, но есть простое приобретение одной компанией имущества другой с уплатой покупной цены этого имущества облигациями². Иными словами, по мнению профессора П.П. Цитовича, реорганизация (в нашем понимании) будет носить явный своего рода *притворный* характер, что приведет к закономерному ее сведению из положения отдельной правовой категории (или процедуры) к на деле самому привычному общегражданскому действию – купле-продажи, что просто была прикрыта вывеской с красивым словом «реорганизация». Однако такому пониманию можно найти объяснение и даже логику по нижеследующим обстоятельствам.

Любопытно, что, по указанию Т.Д. Аиткулова, дисконтинуитет вполне себе применяется в правовых порядках, относящихся к системе *common law*³, и в этом невозможно не усмотреть следствие вышеупомянутого различия понимания фундаментальной природы реорганизации. Так, в праве Соединенных Штатов Америки согласно Model Business Corporation Act (2016) при *слиянии (merger)* допускается предоставления эквиваленты именно в варианте облигаций, иных ценных бумаг, либо денег или иного имущества⁴; именно в этом усматривается признание дисконтинуитета в качестве справедливого варианта судьбы участия при реорганизации, причем основывается это представление на акцентировании внимания именно на имущественной составляющей, обретение справедливости в рамках которой считается исчерпанием проблемы судьбы прежнего участия. Как представляется, приведенное положение вполне объясняется как раз теми

¹ В дореволюционной терминологии под слиянием (*fusion*) понимались одновременно как бы две нынешние формы реорганизации: присоединение и привычное нам слияние.

² Цитович П.П. Учебник торгового права. Киев, СПб, 1891. С. 165.

³ По поводу такого разделения правовых порядков см.: Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town. 1992 P. 9

⁴ Аиткулов, указ. соч. С. 17.

особенностями понимания реорганизации в системах common law, состоящих в фундаментальном восприятии того, что «для реорганизации как перемены правового существования юридического лица достаточно попросту произвести изменение установленных между физическими лицами отношений»¹. Причем данное представление есть экземпляр распространения фикционной теории юридического лица, которое естественным образом сложилось в в системе common law по историческим и во многом причинам из-за сниженного влияния римского правового наследия на эти правовые порядки². Именно отсюда, закономерно, рассмотрение дисконтинуитета как справедливого варианта: речь идет попросту об обмене двух имущественных эквивалентов, вот и вся реорганизация юридического лица; снова имущественно-центричный подход. В противовес данному представлению выступают правовые порядки civilian tradition, в том числе немецкий, французский и испанский, а также наднациональное регулирование права Европейского союза, где напротив была воспринята модель континуитета участия, но об этом ниже.

В современном отечественном законодательстве некоторые авторы, в том числе А.В. Габова, усматривают пример дисконтинуитета в положении п. 1 ст. 75 Федерального закона об Акционерных обществах (далее – Акционерный закон), посвященном праву участника требовать выкупа обществом принадлежащих ему акций вследствие принятия общим собранием решения о реорганизации, против которого голосовал такой участник, либо если он не принимал участия в голосовании³. Однако такая трактовка, кажется, несколько натянутой, так как при, например, реорганизации в форме слияния и присоединения, независимо от принятия той или иной позиции по поводу природы реорганизации, говорить о ней как некоем свершившемся факте до момента хотя бы одобрения общими собраниями каждого из обществ реорганизации в форме слияния и договора об этом (согласно п. 2 ст. 16 и п. 2 ст. 17 Акционерного закона); более того ныне в п. 4 ст. 57 ГК и в ст. 16

¹ Дзыза, указ. соч. С. 27.

² Дзыза, указ. соч. С. 23.

³ Габова, указ. соч. С. 774.

Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» напрямую закреплён момент признания реорганизации завершённой, а именно с момента оформления её последствий государственным регистратором; в любом случае, говорить о завершённости лишь на момент принятия решения о её проведении преждевременно, из этого возникает разумное сомнение в непосредственности связи между правом согласно ст. 75 Акционерного закона и именно самой реорганизации. Более верным, кажется, подходом будет рассмотрение ст. 75 не как предоставление участнику вследствие реорганизации эквивалентна за его участие, но как лишь реализацию права добровольного выхода из общества по причине несогласия с мнением большинства о направлении его развития. Данное понимание подтверждается возможностью реализовать то же самое право ст. 75 и по причинам иного несогласия с решением общего собрания, например, по поводу одобрения экстраординарной сделки. Таким образом, данный пример якобы дисконтинуитета по современному российскому праву, кажется, скорее поверхностным, чем справедливым. Однако, конкретный пример явного дисконтинуитета содержалась в первоначальной редакции Акционерного закона (до поправок от 7 августа 2001 года), когда положения статей 16-19 допускали возможность (наряду с предоставлением акций реорганизованного обществ вместо акций реорганизуемого общества, т.е. континуитета участия) представления эквивалента в форме иных ценных бумаг помимо акций нового или сохранившегося в результате реорганизации общества; однако ныне же в законодательстве подобной опциональности нет.

Напротив, в современном российском законодательстве встречаются скорее положения, которые можно было бы истолковать как прямое закрепление континуитета в отношении отдельных форм юридического лица; речь идет о положениях специальных законов о хозяйственных обществ, устанавливающих в обязательном порядке при реорганизации определения «обмена долей общества на доли участников в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью...» или «обмена долей участников общества

на акции акционерного общества...» при преобразовании (ст.ст. 20 ФЗ об АО, 56 ФЗ об ООО), или «конвертации акций реорганизуемого общества в акции каждого создаваемого общества и соотношение (коэффициент) конвертации акций таких обществ», или «обмена долей в уставном капитале каждого общества на доли в уставном капитале нового общества» (ст.ст. 16-19 ФЗ об АО, 52-55 ФЗ об ООО). Однако и в отношении данных формулировок как прямого закрепления в законе континуитета возникает некоторое сомнение: в приведенных положениях не идет прямой речи о сохранении конвертированных акций или обмененных долей за их первоначальными собственниками-участниками реорганизуемых общества; из текста законов следует правило трансформации одного объекта гражданского права в другой объект (например, «долей участников» в «акции общества», или «акций одного общества» в «акции другого общества»), но из такого изменения объекта гражданского права еще не следует напрямую правила о сохранении их принадлежности у изначального собственника, то есть из этого не следует с необходимостью континуитет участия. Хотя данное замечание является скорее примером несовершенства законодательной техники, чем концептуальной позицией законодателя на данный момент; однако этого вполне достаточно для вывода об отсутствии в отечественном законодательстве на данный момент прямого закрепления континуитета участия, равно как и дисконтинуитета, при этом в современной отечественной юридической литературе высказывались позиции в пользу обоих вариантов. Например, член-корреспондент РАН А.В. Габов придерживается позиции о допустимости исключительно варианта «предоставление права участия в организации (организациях), создаваемой (создаваемых) в результате реорганизации», так как именно этот вариант представляется «неотъемлемой частью правопреемства, осуществляемого в результате реорганизации»¹. Действительно, особенно при признании теории корпоративного правоотношения и универсального характера правопреемства при реорганизации, такой вывод кажется абсолютно логичным. Наряду с этим в

¹ Габов, указ. соч. С. 788.

литературе приводится и противоположная позиция по данному вопросу, например, Т.Д. Аиткулов выступает скорее за «снятие всяких ограничений на форму компенсации» при реорганизации, поскольку сужение этого до варианта предоставления нового участия зачастую не будет иметь должного экономического эффекта, например, из-за неминуемого большего «разбавления» права участия миноритариев, и закономерной еще большей «потери ими вовлеченности в экономическую деятельность»¹.

Между тем, как отмечалось, в иных европейских правовых порядках при реорганизации континуитет участия признается неотъемлемым ее свойством².

Например, профессор Л. Гланцманн, рассматривая право Швейцарии, указывает на *континуитета участия (die Kontinuität der Mitgliedschaft)* как на строгий принцип швейцарского законодательства. По мнению указанного автора, это положение основывается на твердом представлении, что состав участников не может быть изменен каким-либо иным путем в швейцарском праве кроме как посредством процедур исключения (*Kaduzierung*), или ликвидации корпорации (*Liquidation*), или уменьшения ее уставного капитала (*Kapitalreduzierung*). По этой причине произрастает не просто обязанность предоставить участникам реорганизуемых корпораций права участия в реорганизованной корпорации, но и обязанность не предоставлять компенсацию в какой-либо иной форме³. Современная же редакция швейцарского *Legge sulla fusione* (Закона о слияниях) признает в статье 8 возможность предусмотреть в самом договоре о слиянии право выбора для участников между денежной выплатой или продолжением участия в реорганизованной корпорации⁴.

Напрямую свойство континуитета участия закрепляется в испанском праве, а именно в статье 24 *Ley sobre modificaciones estructurales de las*

¹ Аиткулов, указ. соч. С. 19.

² Кузнецов, указ. соч. С. 82.

³ Glanzmann L. Die Kontinuität der Mitgliedschaft im neuen Fusionsgesetz // Aktuelle Juristische Praxis. St. Gallen, 2004. № 2. S. 139-140.

⁴ Справочно-правовая система SWISSRIGHTS // URL: www.swissrights.ch/gesetze/Artikel-8-FusG-2023-IT.php

sociedades mercantiles¹ (Закона о структурных изменениях в коммерческих обществах) от 3 апреля 2009 года. Согласно положениям этой статьи под *континуитетом участия (continuidad en la participación)* понимается обязательное в силу закона, то есть императивное, получение участниками прекративших существование обществ акций или долей в образовавшемся обществе, причем такие участники этим *интегрируются (integrarán)* в реорганизованное общество. Французское право в положении ст. L236-3 ФТК (в актуальной редакции) также напрямую закрепляет приобретения участниками прекращающихся *sociétés* статуса участника реорганизованных обществ.

Профессор А.А. Кузнецов справедливо косвенно подмечал, что причины для закрепления приведенных положений в правопорядках государств-членов Европейского союза (в данном случае – Франции и Испании) объясняются тем, что в наднациональном европейском регулировании (Директива Европейского парламента об отдельных аспектах корпоративного права, с учетом внесенных изменений²) закреплён именно континуитет участия в положении ст. 89-90, в котором прямо указывается на предоставление участникам «прекратившихся» обществ прав участия в реорганизованных обществах; при этом допускается дополнительная компенсация путем выплаты денежных средств в сумме, не превышающую 10% от номинальной стоимости.

На примере этого законодательного дополнения становится ясно, почему выше по поводу работ А.В. Габова о компенсации участия говорились как о «частично» связанных с вопросом о континуитете участия. Дело в том, что при рассмотрении судьбы участия в действительности существуют целых два хоть и связанных другом с другом, но все же параллельных вопроса: 1) обязательны ли континуитет участия при реорганизации юридического лица или допускается дисконтинуитет, то есть обязательно ли участник реорганизуемого юридического лица становится участником реорганизованного, сюръективно ли

¹ Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado // URL: www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2009-5614

² Система EUR-lex // URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02017L1132-20200101

множество всех прежних участников и новых участников, *старого* и *нового* участия; 2) при потере участником в интересе как при дисконтинуитете, так и континуитете каким образом ему эту потерю необходимо компенсировать. На эти вопросы в наднациональном праве Европейского союза и закономерно в правовых порядках государств-членов *нашлись* такие ответы: 1) континуитет обязателен как сущностная характеристика реорганизации, но 2) допускается компенсация в форме денежных средств, например, для корректировки результата численной конвертации акций, т.к. существует несколько подходов ее определения¹.

В своих же работах А.В. Габова и другие авторы, в том числе Т.Д. Айткулов, рассматривают эти два отдельных вопроса в одной плоскости, точнее первый вопрос (о континуитете или дисконтинуитете) рассматривают как часть второго вопроса (о компенсации вообще), получается своего рода «компенсаторная» концепция континуитета; между тем, существует теоретическая и практическая (на уровне законодательства) потребность рассматривать говорить именно о двух вопросах. При этом именно первый вопрос находится в центральном поле зрения *ius personarum* как отдела гражданского права, равно как и настоящего исследования, тогда как второй вопрос носит более *инструментальный* характер для права как *ars boni et aequi*, что впрочем не лишает его важность, хотя и преуменьшает его фундаментальность.

Иное концептуальное отношение к вопросу о континуитете встречается в европейском позитивном праве, например в немецкой судебной практике: так, было установлено, что *die Kontinuität der Mitgliedschaft* необходим как гарантия, что все участники при реорганизации станут участниками в новых корпорациях (Kammergericht des Landes Berlin, Beschluss vom 19.12.2018 – 22W85/18²). Это выражает своего рода «гарантийную» концепцию континуитета, на которое в отечественном праве указывает А.А. Кузнецов, делая акцент на существовании

¹ См. подробнее: Габова, указ. соч. С. 775-776.

² Система openjur.de // URL: openjur.de/u/2252920.html

континуитета участия именно для недопущения исключения лица помимо его воли из корпорации¹.

Так или иначе среди европейских правоведов сохраняется дискуссия по поводу сохранения и степени строгости континуитета. Так, сторонники сохранения континуитета в строгости приводят нижеследующие аргументы².

Во-первых, при переходе к дисконтинуитету и при расширении денежной компенсации под реорганизацией будет происходить скрытое распределение на деле имущества корпорации между ее участниками, словно общество ликвидируется, а не реорганизуется (X. Grosclaude, S. Eberhard и другие); примечательно, что данный аргумент почти дословно воспроизводит слова профессор П.П. Цитович по этому вопросу, чья цитата приводилась выше.

Во-вторых, континуитет участия является закономерным следствием реорганизации, которая по сути предполагает «продолжение прекращающегося предприятия в рамках нового юридического лица со всем имуществом и участниками» (P. Recordon, A. Pérez Troy и другие); а данный аргумент уже воспроизводит скорее слова А.В. Габова о допустимости компенсации лишь в форме права участия в возникших (или сохранившихся) юридических лицах как следствие универсального правопреемства при реорганизации.

Среди сторонников полного отказа от континуитета участия (или хотя бы снижения его строгости) популярны аргументы экспрессивного характера, что якобы такой отказ, например, позволит достичь более активного использования реорганизации участниками гражданского оборота, потому что сделает более удобным его для практического применения; иными словами аргумент носит «бизнес-ориентированный» характер, как справедливо указал А.А. Кузнецов. Любопытный аргумент против строгого континуитета приводят авторы, которые рассматривают его допустимость с позиции «интересов» самой корпорации, что представляет собой собрание интересов всех участников, и

¹ Кузнецов, указ. соч. С. 86.

² Кузнецов, указ. соч. С. 85-86.

отсюда, по мнению отдельных авторов, якобы следует невозможность нарушить интересы одних из участников отсутствием континуитета, если это происходит в интересах самой корпорации¹ как собрания интересов в том числе этих участников; однако, данное прочтение приводится опять же скорее в духе фикционной теории юридического лица, при которой в действительности не существует отдельного интереса самой корпорации безотносительно к интересам ее участников.

В свою очередь профессор А.А. Кузнецов, не соглашаясь с приведенными аргументами противниками сохранения строгого континуитета, не соглашается, правда, также и с приведенными аргументами сторонников его сохранения. Некоторые из них отрицаются профессором по причине приобретения спором характера «теоретического (схоластического)», тогда как по его мнению данный вопрос должен решаться в духе прагматики, то есть практической полезности, и основываться на обеспечении недопустимости злоупотребления реорганизации для достижения мажоритариями того результата (в том числе ущемляющего права других участников, то есть миноритариев), который бы не получилось достичь иными корпоративными инструментами помимо реорганизации².

В этой связи необходимо различать две ситуации возможного отступления от континуитета участия при реорганизации: *добровольную* и *принудительную*.

При добровольной ситуации, то есть когда у самого участника есть воля на отказ от участия в реорганизованных корпорациях, какого-либо возражения против «отступления» от континуитета возникать не может, и справедливо профессор А.А. Кузнецов сравнивает данную ситуацию с выходом участника из корпорации в ординарной ситуации³. Позитивная форма такого добровольного выхода в современном российском законодательстве реализуется посредством уже рассмотренного права п. 1 ст. 75 Акционерного закона. Однако также выше

¹ Кузнецов, указ. соч. С. 87.

² Кузнецов, указ. соч. С. 88.

³ Там же.

было обращено внимание на отсутствие непосредственной связи между таким добровольным выходом из корпорации на фоне решения о реорганизации и самой процедурой реорганизации по вышеуказанным причине системного понимания положений ст. 75 Акционерного закона и причинам темпорального характера. Поэтому, собственно, навряд ли существует смысл или какая-либо необходимость в том, чтобы признавать данное ординарное право отступлением от континуитета при реорганизации.

Принудительная ситуация кажется уже не столь очевидной, речь идет о принудительном выдворении из общества и лишении лица принадлежащих ему прав по чужой воле. Корпоративное право знает пример такого принуждения в отношении лица, а именно процедуру исключения из общества; но возможность его применение связана с необходимостью защитить корпорацию от вредных для нее действий или бездействий такого участника, однако сама реорганизация не носит характер такой экстраординарности; по этой причине А.А. Кузнецов обращает внимание на другой принудительный институт корпоративного права, а именно на принудительный выкуп акций публичного общества (статья 84.8 ФЗ об АО), собственно, логику данных положений автор предлагает переложить на случай реорганизации публичных акционерных обществ путем наделения участника-обладателя сверхимперативным пакетом акций права вытеснить при реорганизации миноритариев при условии выплаты рыночной цены акций, но не предоставляя им права участия в реорганизованной корпорации¹. Во всем остальном, по мнению профессора А.А. Кузнецова, необходимо придерживаться континуитета участия при реорганизации².

Приведенная позиция кажется достаточно любопытной и даже, что важнее, последовательной в рамках системы корпоративного права, рассматривая новый вопрос через уже устоявшиеся законодательные конструкции. Но с точки зрения теории данный подход кажется не столько последовательным, сколько отчасти бессмысленным. Выше уже отмечалось, что тот же выход из

¹ Кузнецов, указ. соч. С. 91.

² Кузнецов, указ. соч. С. 97.

корпорации на фоне реорганизации по доброй воли происходит скорее не по причине самой реорганизации, а по причине несогласия с большинством *совокупности* по поводу будущего юридического лица, так что дело не в реорганизации, а в некотором нарушении единства *совокупности*. Реализация принудительного вытеснения миноритариев также не связана с самой реорганизацией, поскольку ничего не мешает сверхмажоритария публичного акционерного общества сначала вытеснить акционеров, а после этого принять решение о проведении реорганизации общества.

Возможно, конечно, что для практического удобства оформления данных институтов в спайке с самой реорганизацией их можно рассматривать как часть одной процедуры (в эту сторону движется законодательство Швейцарии), но все же это будет казаться бессмысленная жертва простотой категории континуитета, которая не обременяется оговорками о каких-либо исключениях, поскольку в них никакой теоретической необходимости нет, потому что они носят характер ординарной процедуры. Если бы, вместо конструирования таких исключений посредством известных применяемых самостоятельно отдельных процедур корпоративного права, были предложены исключения уникального для реорганизации характера по своим условиям, по своему содержанию или по своим последствиям, то лишь в этом случае был смысл включать в институт континуитета исключения, переводящие его уже в дисконтинуитет участия.

§2. Принцип континуитета участия

Можно сделать вполне справедливый вывод, что на данный момент среди европейских правопорядков, относящихся к системе *civilian tradition*, сложилась и в измерении юридической доктрины, и в измерении позитивного права мысль о континуитете как необходимом элементе реорганизации юридического лица, что справедливо в том числе для российского правопорядка, в котором ныне не существует никаких концептуальных указаний на отступление от континуитета. Мысль (скорее чувствование правоведческого мышления) о его незыблемости, кажется, настолько крепка в юридической литературе, что даже попытки найти исключения в континуитете сводятся к включению ординарных юридических институтов непосредственно в процедуру реорганизации, хотя, как было выше показано на примере разбора позиций А.В. Габова и А.А. Кузнецова, никакого смысла или обоснования к этому не видится; а когда другие авторы призывают к решительному отказу от строгости континуитета в пользу дисконтинуитета, предлагая установить действительно специфические и уникальные положения, которые нельзя свести к конструированию простой совокупности привычных институтов, которые связаны с предоставлением вследствие реорганизации чего угодно кроме права участия в возникших или сохранившихся в результате реорганизации юридических лиц (например, Т.Д. Аиткулов), то такая позиция вызывает естественное смущение, поскольку низводит реорганизацию к просто купле-продаже прав участия, что конечно скорее в предпринимательском духе, в духе «бизнес-ориентированного» подхода, который не находит поддержку однако даже у сторонников прагматичного (А.А. Кузнецов) или «рационального экономического объяснения» (А.В. Габов); даже когда они пытаются нащупать некоторые исключения, то вышеуказанное конструирование посредством иных корпоративных институтов – это предел, на который они могут согласиться; при этом вполне закономерно, что такого рода исключения в сущности не дают континуитету стать дисконтинуитетом, как этого хотели бы сторонники уже «бизнес-ориентированного» подхода. Любопытное наблюдение.

Иными словами, по какой-то причине, при рассмотрении континуитета в работах авторов европейской континентальной традиции при последовательном доктринальном исследовании этого вопроса, никто не осмеливается нарушить строгость данной категории. Причем, данный вывод справедлив при признании, кажется, абсолютно любой теории реорганизации или корпоративного участия: необходимость строгости континуитета прослеживается и обосновывается как через *составную* теорию юридического лица или существенного изменения его личности, поскольку сторонники обеих концепций включают в реорганизацию категорию универсального правопреемства, которая влечет за собой в том числе правопреемство в корпоративных правоотношениях, если принимать такую теорию участия (А.В. Габов), или даже, возможно, представить обоснование об этом в отношении корпоративной правоспособности. Между тем, континуитет хотя выводится с необходимостью из положений любой теории о реорганизации юридического лица или корпоративном участии, как представляется, однако из не всякого представлений о природе юридического лица континуитет следует с необходимостью.

Выше уже отмечалось и показывалось на примере американского правопорядка, что фикционная теория, естественным образом воспринятая в правовых системах common law, приводит при последовательном развитии к дисконтинуитету участия, при котором все напряжение в судьбе прав участия при реорганизации разрешается предоставлением какого-либо имущественного эквивалента, поскольку фикционная теория как отрицающая за юридическим лицом положения самостоятельного, полноценного, истинного лица по своему определению носит имущественно-центричный характер, ведь с данной точки зрения юридическое лицо это *personae vice fungi*. Однако же в правопорядках, следующих римской юридической традиции, то есть принадлежащих к системе civilian tradition, наблюдается более реалистичное отношение к юридическому лицу по сравнению с правопорядками common law, изначально и выработавших положения о юридическом лице на основе правоприменительной (судебной) деятельности по нахождению наиболее

справедливого решения экономической ситуации, а не на основе глубокого анализа римского наследия¹, не успевшего, возможно, лишь по историческим причинам перейти к реалистичному пониманию юридического лица, что отчасти показано выводами сравнительно-правового исследования в первой главе; между тем, вполне вероятно предполагать, что эти семена в какой-то степени (хотя бы на уровне духа римского права) проросли в традиции континентального правоповедения, из-за чего как раз теперь кажется чужеродным и непоследовательным признание реального дисконтинуитета участия при реорганизации, который обосновывается в том числе удобством предпринимательской практики, удобством экономической деятельности, что в рамках фикционной теории юридического лица в правовых системах *common law* напротив встретило бы поддержку как естественное следствие их традиции. Причины необходимости следствия континуитета из иной теории юридического лица рассмотрим чуть ниже.

Следует также обратить внимание, что среди выработанных в европейском праве концепций континуитета возможно выделить, во-первых, уже отмеченные выше, «компенсаторную», согласно которой предоставление *нового* участия в результате реорганизации есть лишь один принимаемый вариант из множества вариантов компенсации за умаление (лишение) права участия, и «гарантийную» концепцию, делающей акцент на содержании континуитета как правовой гарантии предоставления каждому участнику реорганизуемых обществ *нового* участия. В чем-то данные позиции похожи по своему содержанию, но различны именно в своих отдельных акцентах. Между тем, обе приведенные концепции обращаются к разрешению вопроса судьбы участия при реорганизации с позиции лишь самих участников, что отвечает кажется в большей степени теории юридического лица как *personae vice fungi*, то есть некоторой ширмы, скрывающей собой иных лиц (истинных лиц), которые являются участниками юридического лица; отсюда и рассмотрение

¹ Дзыза, указ. соч. С. 23.

континуитета именно с этой позиции. Между тем, в случае признания за *совокупностью* самостоятельного и полноценного субъекта права, кажется необходимым дать концепцию судьбы участия при реорганизации с позиции в том числе самого юридического лица, а не лишь его участников, т.е. сформулировать некую «личностную» концепцию континуитета участия на основе сделанных ранее выводов.

В окончании предыдущей главы при последовательном развитии выводов сравнительно-правового исследования юридического лица, было установлено, что реорганизацию возможно рассмотреть в качестве волеизъявления лица о самом себе, связанное с известной переменной психологической целостности элементов его волеопорождающего аппарата, когда они начинают относить свои вклады уже в волю иного лица. Из такого понимания реорганизации следует как минимум два возможных обоснования необходимости континуитета участия. Во-первых (более формально-логическое обоснование), поскольку в отличие от ликвидации лица при его реорганизации не происходит никакого *растворения (dissolvo)* обособления процесса порождения воли, а значит и его элементов, то невозможно чтобы хотя бы один из них покидал во время реорганизации «границы обособления», тогда как противное может рассматриваться как некое *растворение* волеопорождающего аппарата, а это уже ликвидация. Любопытно, что подобный аргумент *от ликвидации* приводится также в зарубежной литературе, а именно в работах упомянутых выше Х. Grosclaude, S. Eberhard и также может быть усмотрен в приводимой выше позиции П.П. Цитовича¹; при этом именно сформулированные настоящим исследованием зачатки единой теории права лиц в перспективе позволяют рассматривать данный аргумент в рамках теоретической системности наряду с многими иными положениями, представлениями и аргументами, в чем, как хочется надеяться, возможно будет важная польза для цивилистической науки. Во-вторых (более сущностное или *идеологическое* следствие), нахождение в

¹ См. стр. 63 настоящего исследования.

статусе элемента волепорождающего аппарата участником юридического лица имеет самоценное значение, так как оно находится с теоретической точки зрения на положении своего рода *нейрона* лица: также внося вклад в порождении общей воли как и настоящие нейроны в волепорождающем аппарате физического лица, поэтому нельзя представить, чтобы какие-либо *нейроны* с легкостью исключались даже при предоставлении эквивалента в имущественной форме, поскольку они чрезвычайно связаны с самим существованием лица.

Данными формально-логическим и *идеологическим* следствиями возможно обосновать необходимость строго континуитета участия с точки зрения, положений, как представляется, закономерных признанию качества отдельного, полноценного и самостоятельного субъекта права за юридическим лицом в европейской традиции частного права.

Учитывая вышеобоснованную необходимость континуитета участия с точки зрения всякого представления о природе участия и реорганизации, исходя из представления о юридическом лице как полноценном субъекте права, но не *personae vice fungi*, возможно сделать следующий общий вывод исследования. однако, предваряя его, следует обратиться также к вопросу о возможности распространения содержание континуитета не только лишь на корпорации, но на все юридические лица вообще. На эту мысль наводит указание А.В. Габова о единосущности проблемы компенсации при реорганизации в отношении любых юридических лиц по российскому праву; более того, им вводится общее понятие «право участия в юридическом лице», которое включает в себя помимо корпоративного участия, также права учредителя или собственника унитарного юридического лица, в том числе учреждений, государственных компаний и унитарных предприятий¹. Так как для признания волепорождающего аппарата лицом не имеет значение конкретная объективация процесса порождения воли, как это было установлено

¹ Габова, указ. соч. С. 769.

в соответствующем месте исследования, то позиция А.В. Габова по указанному вопросу кажется также закономерным следствием этого положения, а значит, возможно, сказанное ныне о континуитете может быть распространено на любые юридические лица, не только корпоративной формы; однако по этому поводу требуются дополнительные исследования, так как настоящая работа обращается к исследованию именно корпоративных форм.

Общий вывод таков. Континуитет является неотъемлемым элементом при реорганизации юридического лица, как минимум в корпоративной его форме, на основе теоретических положений в европейской традиции частного права. Он носит строгий (абсолютный) характер, а любые имеющие смысл допущение нестрогости в отношении него автоматически переводят его в положении уже принципа дисконтинуитета. Содержание континуитета, как общего основания реорганизации корпораций (принцип), состоит в обязательности представлении каждому участнику реорганизуемого юридического лица участия в каждой из образовавшейся или сохранившейся реорганизованной корпорации по итогам реорганизации. Отдельно должен решаться вопрос о предоставлении какой-либо имущественной компенсации в счет имущественных потерь, например, при конвертации акций в неполной мере равноценной форме¹.

Также учитывая опыт иных европейских правовых порядков по регулированию вопроса континуитета участия (главным образом, положений испанского *Ley sobre modificaciones*, как наиболее точно выражающий рассматриваемый вопрос в нормативном материале), учитывая отсутствие в нынешнем российском законодательстве прямых положений по этому вопросу и существование даже некоторых недочетов законодательной техники, на которые указывалось выше, как представляется, следует внести некоторое совершенствование в положения Гражданского кодекса Российской Федерации. Во избежание предложения по перекраиванию в данный момент всего Кодекса на основе вышеприведенных зачатков единой теории лиц, исходя из которых была выстроена концепция

¹ Обзор таких форм, как указывалось уже выше, приводится в: Габов, указ. соч. С. 775-776.

континуитета, учитывая указанное ранее наблюдение о необходимости его следования при принятой любой теории реорганизации или корпоративного участия, в том числе корпоративных правоотношений и *соста́вной* теории реорганизации, при которой континуитет конструируется как универсальное правопреемство, кажется разумным дополнить следующим пунктом положения именно ст. 58 ГК РФ (правопреемство при реорганизации юридических лиц):

«6. При реорганизации в любой ее форме юридического лица, являющегося корпорацией в соответствии с пунктом 1 статьи 65.1 настоящего Кодекса, каждый участник корпорации по завершению реорганизации приобретает право участия в реорганизованном юридическом лице или лицах, в том числе в создаваемых в результате реорганизации, и (или) сохраняет свое право участия в юридических лицах, не прекратившихся в результате реорганизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном комплексном исследовании были решены поставленные задачи и достигнута поставленная цель. В начале работы на основе обширного сравнительно-правового исследования положения юридического лица в европейской традиции частного права сделаны выводы, сконструировавшие теоретическую канву всего последующего исследования. Главным образом, был сделан вывод о природе юридического лица как полноценного субъекта права в той же степени «реального» и «фиктивного», что и физическое лицо. Данными рассуждениями заложены зачатки единой теории лиц, которая в перспективе представляется полезной и важной для цивилистической науки. Благодаря указанным теоретическим положениям, после критического рассмотрения различных учений об отношениях участия в корпорации, предпринята попытка обосновать природу участия в качестве корпоративной правоспособности. В качестве последовательного развития вышеприведенных выводов о природе юридического лица и корпоративном участии были также разобраны различные представления о сущности реорганизации, после была предпринята попытка модификации *сделочной* теории реорганизации на основе предшествующих теоретических выводов, что было обосновано в качестве ее природы как «воли лица о самом себе». В окончании работы рассмотрены положения теории, законодательства и судебной практики по проблеме континуитета участия на основе отдельных материалов правопорядка России, США, Швейцарии, Германии, Франции и Испании, а также наднационального регулирования ЕС. После рассмотрения данных материалов на основе всех ранееприведенных теоретических выводов в контексте цивилистической теории был сделан вывод о необходимости непоколебимого (абсолютного) характера континуитета участия как конститутивного элемента реорганизации и общего основания (принципа) реорганизации с соответствующим содержанием. Было сделано предложение о совершенствовании Гражданского кодекса РФ в части данных выводов. Также обоснована возможность распространения выводов о континуитете и на корпоративные, и унитарные формы юридического лица.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты РФ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023, 24.05.1999) // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СПС КонсультантПлюс
4. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС КонсультантПлюс
5. Законопроект № 424549-4 «О реорганизации коммерческих организаций» (по состоянию на 27.04.2007) // СОЗД

Российская судебная практика

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС КонсультантПлюс
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2015 № 305-ЭС14-4611 по делу № А41-348/2013 // СПС КонсультантПлюс

Зарубежные нормативно-правовые акты

1. Le Code civil des Français // СПС legifrance.gouv.fr
2. Code de commerce // СПС legifrance.gouv.fr
3. Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten // СПС opinioius.de
4. Bürgerliches Gesetzbuch // СПС gesetze-im-internet.de

5. Legge sulla fusione (LFus) // СПС swissrights.ch
6. Ley sobre modificaciones estructurales de las sociedades mercantiles // СПС boe.es
7. Directive (EU) 2017/1132 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 relating to certain aspects of company law (codification) // СПС eur-lex
8. Model Business Corporation Act // СПС americanbar.org

Зарубежная судебная практика

1. BGH, Urteil vom 29.01.2001 – II ZR 331/00 // СПС openjur.de
2. Bayerischer VGH, Urteil vom 26.09.2013 – 20 BV 13.428 // СПС openjur.de
3. KG, Beschluss vom 19.12.2018 – 22 W 85/18 // СПС openjur.de

Юридическая литература на русском языке

а) Монографии

1. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). Москва: Статут, 2014. 879 с.
2. Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 91 с.
3. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. В. А. Томсинова. Москва: Зерцало, 2003. 495 с.
4. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 719 с.
5. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Санкт-Петербург: типо-лит. А.Е. Ландау, 1895. 2-е изд. 550 с.
6. Емельянцева В.П. Универсальное правопреемство в гражданском праве. Москва: Юриспруденция, 2010. 264 с.

7. Еременко В.И. Юридические лица в российском праве. Новосибирск: СибАГС, 2004. 175 с.
8. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли, гражданское правоотношение, критика теории "хозяйственного права". Москва: Статут, 2009. 3-е изд., испр. 780 с.
9. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица: очерк истории и теории. Москва: Статут, 2003. 316 с.
10. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под редакцией В. А. Белова. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 2-е изд. 552 с.
11. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Москва: Госюриздат, 1958. 183 с.
12. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. Москва: Статут, 2008. 509 с.
13. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий ст. 1-16.1 Гражданского кодекса РФ / отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: Статут, 2020. 1102 с.
14. Покровский И.А. История римского права. СПб: Лет. сад, 1998. 555 с.
15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 2013. 6-е изд., стер. с. 349.
16. Сингулярное правопреемство в обязательстве. Опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики. Москва: ЮрИнфоР, 2000. 288 с.
17. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. Москва: Статут, 2021. 282 с.

18. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. Ярославль: типо-лит. Г. Фальк, 1892. 316 с.
19. Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. Москва: Статут, 2013. 494 с.
20. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право М.: Статут, 2014. 454 с.
21. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 87 с.
22. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.
23. Цитович П.П. Очерки по теории торгового права. Санкт-Петербург: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1901. 365 с.
24. Цитович П.П. Учебник торгового права. Киев: Н.Я. Оглоблин, 1891. 300 с.

б) Научные статьи

1. Аиткулов Т.Д. Некоторые аспекты правового регулирования слияния и присоединения акционерных обществ в праве Российской Федерации и ФРГ // Актуальные проблемы гражданского права (сборник статей). Москва: Норма, 2002. Вып. 4. С. 1-74.
2. Архипов Б.П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. Москва: Фонд «Правовая поддержка», 2002. № 3. С. 46-55.
3. Бевзенко Р.С. Комментарий к статье 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. М.: ООО «Редакция журнала Закон», 2019. № 11 (69). С. 127-169.
4. Березкина А.В. Persona: из римского права в богословие и каноническое право // Христианское чтение. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 2019. № 5. С. 106-117.

5. Власова А. С., Лошкарева М. Е., Удалова Н. М. Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // Закон. Москва: Издательская группа «Закон», 2018. № 4. С. 120-134.
6. Габов А.В. Обмен долей при реорганизации общества с ограниченной ответственностью в форме присоединения // Закон. Москва: Издательская группа "Закон", 2020. № 3. С. 138-145.
7. Габов А.В. Утрата доли участия при преобразовании акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью // Правоприменение. Омск: Омский гос. университет, 2019. № 4. С. 91-104.
8. Дзыза А.А. Подходы к правовому регулированию и возможные толкования реорганизации юридического лица: опыт России и Великобритании // Правовой журнал "Президент" (President Law Journal). Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2020. № 2 (9). С. 20-30.
9. Ермолович В.И. Договор товарищества в праве Древнего Рима и стран средневековой Европы (сравнительный анализ) // Право и демократия. Минск: Белорусский государственный университет, 2016. № 27. С. 19-24.
10. Красильникова Т.К. Становление правовых основ организации и деятельности корпораций в Западной Европе в средние века // Вестник Волгоградской академии МВД России. Волгоград: Волгоградской академии МВД России, 2012, № 4. С. 166-171.
11. Ламм Т.В. Договор простого товарищества в римском праве и отечественной цивилистической доктрине // Известия Байкальского государственного университета. Иркутск: Байкальский гос. университет, 2002. №2. С. 52-60.
12. Марков П.А. Реорганизация коммерческих организаций в российском праве // Право и экономика. Москва: Юстицинформ, 2011. № 9. С. 12-19.

13. Степанов Д.И. Формы организации коммерческих организаций: вопросы законодательной реформы. (Начало) // Хозяйство и право. Москва: Издательская группа «Юрист», 2001. №3. С. 64-74.
14. Томсинов В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». Москва: Московский гос. университет, 1998. № 4. С. 3-17.
15. Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Москва: ООО «Редакция журнала Закон», 2020. № 8 (78). С. 25-68.
16. Ширвиндт А.М. Пандектистика: портрет на фоне мифа (по поводу выхода сборника статей "Wie pandektistisch war die Pandektistik?") // Вестник гражданского права. Москва: Изд. дом В. Ема, 2018. № 1. С. 293-311.

в) Диссертации

1. Архипов Б.П. Гражданско-правовой механизм слияний и присоединений акционерных обществ. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Московский государственный университет. М., 2004. 191 с.
2. Белялова А.М. Правовое регулирование реорганизации коммерческих юридических лиц в России и за рубежом: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: ИЗаСП. Москва, 2019. 181 с.
3. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Московский государственный университет. М., 2009. 219 с.
4. Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов: диссертация на

соискание ученой степени д.ю.н. Место защиты: Московский государственный университет. М., 2021. 345 с.

5. Марков П.А. Теория реорганизации коммерческих юридических лиц: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. Место защиты: Моск. акад. экономики и права. Москва, 2011. 476 с.
6. Нуждин Т.А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2019. 456 с.
7. Филиппова С.Ю. Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Томский государственный университет. Томск, 2001. 249 с.

г) Учебная литература

1. Белов В.А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 451 с.
2. Гражданское право: учебник для студентов в 4 томах / отв. ред. Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2023. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. 622 с.
3. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под редакцией В.С. Нерсесянца. Москва: Норма, 215. 3-е изд., перераб. и доп. 783 с.
4. Кашанина Т. В. Корпоративное право: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 189 с.
5. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С.Шиткина. Т. 1. Москва: Статут, 2017. 976 с.
6. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С.Шиткина. Т. 2. Москва: Статут, 2018. 990 с.

д) Переводы на русский язык

1. Дигесты Юстиниана = *Digesta Ivstiniani* : [перевод с латинского] / отв. ред. Л. Л. Кофанов. - Москва : Статут, 2003-2005.
2. Институции Гая = *Gai institutionum commentarii quattuor*: текст, перевод с латинского, комментарии / под общей редакцией профессора Д. В. Дождева; перевод с латинского Д. В. Дождев [и др.]. Москва: Статут, 2020. 381 с.
3. Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 года: Перевод с французского / Пер.: Перетерский И.С. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 471 с.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель: профессор В.А. Томсинов. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2018. 2-е изд., доп. 472 с.

Юридическая литература на иностранных языках

1. Boileux J.M. *Commentaire sur le Code Napoléon*. Paris, 1866. 802 p.
2. Glanzmann L. Die Kontinuität der Mitgliedschaft im neuen Fusionsgesetz // *Aktuelle Juristische Praxis*. St. Gallen, 2004. № 2. 139-155 s.
3. Koessler M. The Person in Imagination or Persona Ficta of the Corporation // *Louisiana Law Review*: 1949. Vol. 9. № 4. P. 435-449.
4. Windscheid B. *Lehrbuch des Pandektenrechts in drei Bänden*. Band 1. Düsseldorf, 1862. 936 s.
5. Zimmermann R. *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town: Juta, 1990. 1241 p.